

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-08-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-08-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик

российской академии наук, заведующий сектором теории познания учреждения российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки". Севастопольский государственный

истории, истории философии и социальных наук, Саратовский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Консон Григорий Рафаэлевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и философии культуры, начальник отдела прикладной докторантуры и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, член-корреспондент РАН, член Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, член Российского экспертного совета библиографической и реферативной базы данных «Scopus».

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г. Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetjeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75 khabiba_chagbanova@list.ru

И.С. khayba_stavbatova@nsu.ru

EDITORIAL COLLEGIUM

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroeв Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Kofman Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of the Theory of Creation of the Text, Institute of

Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Soloviev Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of INION RAS, PhD, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Conson Grigory Rafaelevich — Doctor of Art History, Professor of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Head of the Department of Applied Doctoral Studies and Training of Scientific personnel in the doctoral program of the Russian State Social University, corresponding member of the RAE, member of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technical field, member of the Russian Expert Council of the bibliographic and abstract database "Scopus".

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6 obur@mail.ru

Vodiasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna — Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander N. Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublei str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatiana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, Veernaya str., 22, 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology of the Institute of Philology (SP), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bessalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, North-Eastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yurievna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, office 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational

Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, sq. 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Elena Sergeevna - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kohma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yukhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, 75 Amurskaya str., khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

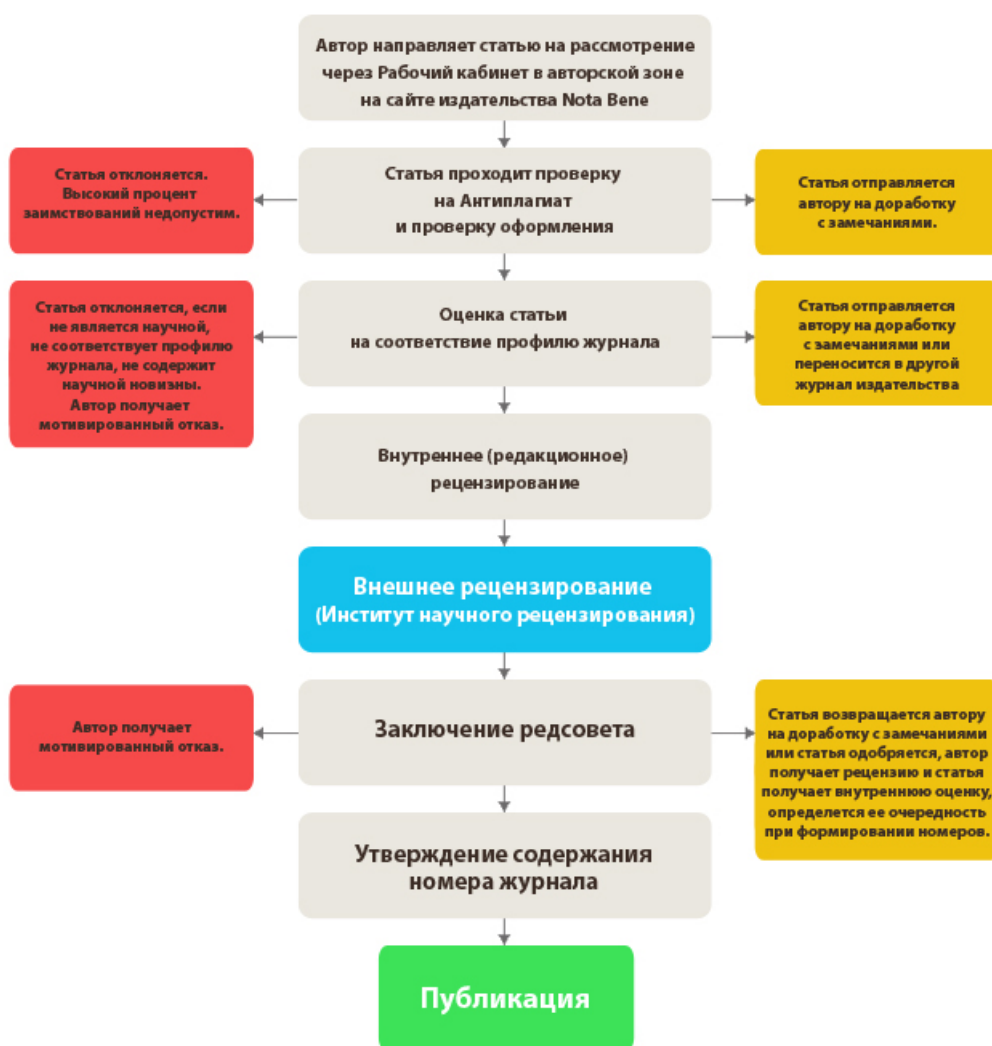
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ван Ч. Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим»	1
Морозова И.В. Художественное пространство и время в фантастической повести В. Д. Колупаева «Дзяпики» (1989)	13
Агеева Н.А. Перформативная дискурсия в монодрамах Е. Гришковца	21
Семёнова Л.А. Репрезентация когнитивной метафоры времени в постмодернистских китайских и русских художественных текстах (сопоставительный аспект)	31
Жикулина К.П., Перфильева Н.В. Коммуникативный потенциал русскоязычных и англоязычных голосовых систем	39
Англоязычные метаданные	50

Contents

Wang Z. The influence of N. V. Gogol's satire on Sha Yesin's comedy "If I were Real"	1
Morozova I.V. Fiction Space and Time in Victor Kolupaev's Fantastic Story "Dzyapiki" (1989)	13
Ageeva N. Performative Discourse in E. Grishkovets Monodramas	21
Semenova L. Representation of the cognitive metaphor of time in Postmodern Chinese and Russian literary texts (comparative aspect)	31
Zhikulina C.P., Perfilieva N.V. The communicative potential of Russian-speaking and English-speaking voice systems	39
Metadata in english	50

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ван Ч. — Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим» // Филология: научные исследования. – 2023. – № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.7.43489 EDN: SCEWYO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43489

Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим»

Ван Чжуанчу

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра Русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет

670011, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Микрорайон Энергетик, 60А, кв. 28

✉ msdevine@126.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.7.43489

EDN:

SCEWYO

Дата направления статьи в редакцию:

01-07-2023

Дата публикации:

08-07-2023

Аннотация: Предметом исследования в статье являются особенности влияния сатирической комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на произведение китайского драматурга XX в. Ша Есиня «Если бы я был настоящим». В работе применяются методы сравнительно-сопоставительного и структурно-семиотического анализа с использованием элементов культурологического анализа, также используется метод интерпретации отдельного текста, анализ отдельных стилистических элементов. В данной работе нас будет интересовать продуктивная рецепция, которая, в отличие от репродуктивной рецепции, связана с вхождением сатирических произведений Н. В. Гоголя как инонациональных текстов в творчество китайских писателей. Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот впервые вводится имя известного китайского драматурга и сценариста Ша Есиня и его комедия «Если бы я был настоящим» в аспекте рецепции сатирических традиций Н. В. Гоголя. Выводы. Особенности влияния сатирических традиций Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим» обусловлены внутрисполитической ситуацией в Китае в 1970-х гг.

XX в. и влиянием национальных традиций китайской литературы. В связи с этим Ша Есинь следовал традициям гоголевской сатиры в той мере, в которой это было необходимо для выражения основной идеи комедии китайского драматурга, в связи с веяниями времени, совпавшими с идейным содержанием «Ревизора» – обличением пороков чиновников. Для решения поставленной художественной задачи Ша Есинь сознательно следовал за сюжетом гоголевской комедии, что объясняет заимствование из «Ревизора» сюжетных приемов («обманщик поневоле», «двойное разоблачение», «изобличающее письмо»). Сопоставление комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» и пьесы Ша Есиня позволяет говорить о том, что рецепция гоголевской сатиры позволила Ша Есиню создать оригинальную комедию, обогатившую китайскую литературу.

Ключевые слова:

творчество Гоголя, китайская литература, сатира Гоголя, комедия Ревизор, русская литература, рецепция творчества, литературные традиции, драматургия Ша Есиня, сатирическая комедия, сатирические приемы

Интерес к инокультурной рецепции художественного текста в современном литературоведении обусловлен активным культурным взаимодействием между странами, прозрачностью границ, развитием технологий, позволяющих в кратчайшие сроки осуществить новый перевод когда-то переведенного художественного текста с учетом произошедших изменений в литературном языке.

Филологи, культурологи, философы изучают механизмы передачи и восприятия текста, уточняя понятие рецепции и расширяя его. Так, Н. Н. Левакин считает, что рецепцией считается «восприятие и перевоссоздание на основе воспринятого (прочитанного, пережитого, увиденного, осознанного) собственных текстов (мыслей, идей, впечатлений, картин)» [8, с. 309]. Это определение не противоречит теории рецептивной эстетики, согласно которой в основе процесса восприятия художественного текста надо понимать «подвижность смысла, его бесконечное многовариантное рождение из взаимодействия текста и читателя» [2, с. 16]. Речь идет о том, что разнообразие прочтений ведет к вариативности смыслов, эта мысль тем более интересна в отношении изучения рецепции художественного текста носителями языка, отличного от языка оригинала.

Влияние творчества Н. В. Гоголя на литературу Китайской Народной Республики привлекало внимание исследователей-литературоведов и по ту, и по эту сторону границы. В данной работе нас будет интересовать продуктивная рецепция, которая, в отличие от репродуктивной рецепции, связана с вхождением сатирических произведений Н. В. Гоголя как инонациональных текстов в творчество китайских писателей.

Впервые системное изучение истории появления и влияние творчества Гоголя в Китае XX в. осуществил Е. А. Серебряков [15]. Исследователь описал поэтапное появление переводов прозаических и драматических произведений Н. В. Гоголя на китайский язык, рассмотрел историю переводов «Ревизора» и «Мертвых душ» на китайский язык, историю различных постановок гоголевских произведений и отзывов на них в 1940-1950-е гг. в китайской прессе.

В связи с напряженными русско-китайскими отношениями в 1960-1970-х гг. исследовательская деятельность по изучению влияния русской литературы на литературу Китая была практически прекращена. В период «Культурной революции» 1966-1976 гг.

почти все произведения русской литературы попали под запрет. С 1978 г. правительство КНР берет курс на «политику открытости», с 1980-х гг. возобновляется изучение китайскими учеными произведений Н. В. Гоголя и влияния их на литературу Китая: «исследование русской литературы обретает официальный статус, появляются новые журналы по русской литературе, научные труды, формируется «Ассоциация китайских исследователей русской литературы» [\[7, с. 185\]](#).

В 1980-е гг. в КНР появляются монографические исследования, среди которых наиболее значимыми можно считать работу Ван Юаньцзе «Гоголь» (1982) [\[3\]](#) и Лонг Фей «Мастер сатирического искусства Гоголь» (1984) [\[9\]](#). Меняется и содержание научных работ, которые определили направления изучения творчества Н. В. Гоголя рубежа XX-XXI вв. В числе исследований появляются работы, посвященные изучению различных аспектов сатиры в творческом наследии Н. В. Гоголя.

В последние годы преломление гоголевского сатирического текста в Китае в творчестве китайских писателей рассматривается как итог процесса авторского текстопорождения. Такая рецепция не будет просто подражанием, потому что «в ходе рецепции любых культурных феноменов возникает не копия, а оригинальный интеллектуальный продукт, что обусловлено и традициями, и институциональными особенностями каждой культуры» [\[14, с. 22\]](#). Именно о такого рода «продукте» можно говорить, рассматривая комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим», созданную под влиянием сатирических традиций Н. В. Гоголя.

Ша Есинь (1939-2018), писатель и сценарист КНР, в 1980-1990 гг. возглавлял Шанхайский народный художественный театр. Его пьесы и киносценарии неоднократно награждались национальными литературными премиями в Китае, а также получили признание за рубежом. Творчество драматурга, в частности, рассматриваемая здесь комедия, сразу стали объектом внимания критики [\[1\]](#), [\[10\]](#). В последние десятилетия комедия вновь привлекает внимание исследователей, которые изучают особенности восприятия пьесы Ша Есиня с позиций нового времени, анализируют стиль комедии [\[3\]](#), [\[11\]](#).

История создания комедии «Если бы я был настоящим» начинается с того, что в 1979 г. Ша Есинь прочитал в газете новостную заметку об одном молодом человеке, который некоторое время обманывал местную администрацию, выдавая себя за сына высокопоставленного чиновника. На материале заметки Ша Есинь создал комедию «Если бы я был настоящим», которая вызвала в обществе большой резонанс. Пьеса была основана на реальном судебном деле отправленного в деревню юноши, который выдавал себя за сына высокого партийного работника, чтобы вернуться в город.

Сначала комедия Ша Есиня называлась «Обманщик». Пьеса представляла собой острую политическую сатиру на партийных чиновников, в которой обличение было направлено против кастовых привилегий и произвола чиновников на местах. Уже в августе 1979 г. комедия была поставлена на сцене Шанхайского национального театра. Критика отмечала, что премьерный показ имел большой успех. В сентябре того же года, после публикации пьесы в журнале «Шанхай сицзюй» («Театр Шанхая»), отдел пропаганды в Шанхае порекомендовал не показывать спектакль широкому зрителю и прекратить продажу журнала с текстом пьесы. Возвращение комедии на сцену и ее доступность для исследования стали возможными только в 1990-х гг.

Сюжеты о лжецах уходят корнями в историю китайской литературы; они имеют под собой

фольклорную основу и встречаются также во многих образцах мирового фольклора и литературы. С древнейших времен и до наших дней истории о мошенниках и лжецах не теряют популярности, потому что с их помощью, как в кривом зеркале, наглядно обнаруживаются явные и скрытые недостатки общества и человеческие пороки.

Ша Есинь не скрывал своей сознательной установки на сходство с комедией Н. В. Гоголя и позднее писал: «Эти пьесы сравнимы, но несопоставимы, их нельзя сравнивать формально, потому что они были созданы в разные эпохи. В Китае непростые отношения между чиновниками и гражданами отличаются от отношений между чиновниками и народом в России в царскую эпоху <...> сходства произведений имеют глубокие социальные и исторические причины, хотя и отражают различия во взглядах на некоторые важные социальные проблемы» [\[17, с. 19\]](#)

Комедия Ша Есиня на самом деле очень схожа с «Ревизором» даже на уровне взаимосвязи заголовка с текстом комедии. Точно так же, как в персонажное заглавие комедии Н. В. Гоголя вынесен мнимый ревизор, в качестве заголовка комедии Ша Есиня взята фраза из оправдательной речи главного героя – мнимого сына высокопоставленного чиновника. Для читателей и зрителей в Китае, знакомых с гоголевской комедией, название комедии Ша Есиня «Если бы я был настоящим» связывает обе комедии мотивом ложной сути героя, принятого за «большого человека».

Ша Есинь использует ассоциации с «Ревизором» не только на уровне заголовка, но и на уровне сюжета. Поступки лжеца Ли Сяочжана разоблачают стремление чиновников получить различные привилегии. Это стремление заставляет обмануться в Ли Сяочжане и руководителя театральной труппы, и директора по культуре, и директора организационного отдела, и секретаря городского комитета партии. Здесь комедия Ша Есиня отличается от русской комедии: в «Ревизоре» городничий и чиновники обманулись в Хлестакове, приняв его за «большого человека», и обманули сами себя из страха наказания за свою недобросовестную деятельность и противоправные поступки. Однако, в отличие от Хлестакова, который непреднамеренно попал в ситуацию, когда его приняли за ревизора, Ли Сяочжан в комедии Ша Есиня сознательно выдает себя за сына «большого человека», пользуясь представившейся возможностью и считая это игрой, которая восстанавливает справедливость.

Ориентир Ша Есиня на гоголевского «Ревизора» и в то же время подчеркнутое различие с сюжетом русской комедии становятся очевидными с самого начала пьесы «Если бы я был настоящим». После Пролога, в котором происходит арест главного героя прямо перед началом спектакля, в первой картине дано описание места действия, где зритель знакомится с действующими лицами: «На стене с одной стороны театра висит большая афиша спектакля: "N-ская драматическая труппа исполняет русскую сатирическую комедию "Ревизор">, на афише также есть портрет Хлестакова» [\[16, с. 2\]](#).

Главный герой, молодой человек, Ли Сяочжан, хочет сходить со своей девушкой именно на этот спектакль, но все билеты уже проданы. Около театра один из желающих попасть на спектакль вкратце рассказывает о главном герое «Ревизора», пересказывая сюжет русской пьесы, тем самым подает юноше идею, как заполучить желанный билет. Лжецом главный герой, как и гоголевский Хлестаков, становится совершенно случайно, благодаря стечению обстоятельств. Ли Сяочжан – умный, идеалистически настроенный молодой человек. Его отправили по приказу из города в сельский район, на ферму, он трудится на полях вот уже восемь лет. В первом действии Ли Сяочжан одет в старую солдатскую форму, у него в руках солдатская сумка. После того, как, он узнал, что его товарищи, дети влиятельных чиновников, были досрочно переведены в город, в то

время как он потерял годы, которые планировал потратить на учебу, юноша впал в сильную депрессию, начал злоупотреблять алкоголем.

Сбежав с фермы, молодой человек сначала хотел всего лишь попасть на спектакль. Он обманул чиновников, приехавших в театр по пригласительным билетам, представившись сыном высокопоставленного партийного работника. Однако затем, из-за сложившихся обстоятельств и желания чиновников получить различные блага за счет более высокопоставленного лица, юноша был вынужден продолжать свой обман, все больше и больше запутываясь.

Сходства произведений русского и китайского драматургов на уровне сюжета можно также проследить в развитии взаимоотношений героев со своим окружением. Например, в комедии Н. В. Гоголя городничий поселяет Хлестакова у себя дома, думая, что принимает в гостях ревизора, и точно так же секретарь Муниципального комитета партии приглашает пожить к себе в дом Ли Сяочжана под именем Чжана Сяоли, потому что принимает его за сына высокопоставленного чиновника. В комедии Н. В. Гоголя Хлестаков освоился в доме городничего настолько, что принимается ухаживать за его женой и дочерью одновременно. Ша Есинь не стал использовать этот сюжетный ход, видимо, чтобы сохранить положительное впечатление о герое. Молодой человек, Ли Сяочжан, всего лишь проводит экскурсию по чужому дому, как по своему собственному, для своей девушки Минхуа: «Чжан Сяоли (тоном экскурсовода): Пожалуйста, обрати внимание, что это прихожая секретаря Муниципального комитета партии. Наверху и внизу электрическое освещение и телефоны, шкафы со стеклянными дверками, кожаные диваны, телевизоры, проигрыватель, магнитофон и кондиционеры. (Открывает дверь внутренней комнаты). Теперь спальня, пожалуйста, заходи <...> Я хочу, чтобы ты увидела, какой будет жизнь человека, если у него будет хороший отец!» [\[16, с. 24\]](#).

Тем не менее, в отличие от Хлестакова, Ли Сяочжан прекрасно осознает, что он делает. Об этом говорят его слова, которые он говорит своей девушке: «Я не плохой человек. Я не крал, не грабил, не убивал, не поджигал домов, не захватывал власть с "Бандой четырех", и я не хотел начинать Третью мировую войну. Я просто пошутил с этими могущественными чиновниками... Что ж, с завтрашнего дня лжец и хитрец Чжан Сяоли станет честным Ли Сяочжаном. Минхуа, с завтрашнего дня я буду... я должен быть тем, кто тебе нравится! Не хочу больше рисковать» [\[16, с. 46\]](#). Молодой человек, несмотря на свои неблагоприятные поступки, сохранил доброту и благие намерения: целью его последнего обмана становится получение документов для возвращения с фермы в город с целью женитьбы на беременной Минхуа, чтобы девушка могла избежать позора.

Это подтверждает и реплика юноши, из которой зритель понимает, что вся ситуация мошенничества для него – всего лишь игра: «Шучу! Что такое ложь? Разве игра не ложь? Вы тоже обмануты» [\[16, с. 79\]](#). Это внутреннее убеждение морально выводит юношу из затруднительного положения: Ли Сяочжан вернулся в город, но продолжал обманывать, ведь для него это была просто игра, в которой молодой человек не видел ничего предосудительного.

В пьесе «Если бы я был настоящим» Ша Есинь с пониманием относится к причинам, толкнувшим на обман главного героя: Ли Сяочжан стал лжецом, потому что был лишен своих законных прав. В течение тех лет, которые он провел на ферме, другие молодые люди, дети разных должностных лиц, досрочно, нарушая закон, возвращались с фермы в город. Этим самым чиновники лишили молодого человека драгоценного времени для получения образования. Отсюда и возник внутренний конфликт, который обусловил

конфликт внешний. Привилегированное сословие не оставляет Ли Сяочжану выбора, у него не было другого выхода, кроме как прибегнуть к незаконным действиям. Обман Ли Сяочжана – последнее средство, больше похожее на месть сословию чиновников.

Вторая причина обмана имеет социальные корни: привилегии, которыми пользовались некоторые члены партии в корыстных целях, превращали их в тех же мошенников и лжецов. Систему подкупа хорошо иллюстрирует сквозная деталь, которая встречается на протяжении всего сюжета – это поддельная бутылка дорогой марки вина «Маотай». Появившись в первом акте, когда Ли Сяочжан, представившийся сыном высокопоставленного партийного руководителя, дарит бутылку руководителю театральной труппы как подарок за пригластельные на спектакль, бутылка вина «Маотай» затем переходит от чиновника к чиновнику в качестве взятки пока, наконец, не возвращается в первые руки, к Ли Сяочжану. Тем самым молодой человек окончательно убеждается в том, что его окружают мошенники и лжецы, поэтому и в его обмане нет ничего зазорного.

В совокупности все упомянутые эпизоды помогают Ша Есиню создать картину управления на местах, подобную гоголевской: те, кто олицетворяют государственную власть и кто должен исполнять свои обязанности во благо народа, поглощены корыстными желаниями и сохранением своих привилегий. Их деятельность на постах не соответствует тому, чем они должны заниматься согласно должностным обязанностям, и об этом чиновники, как пьесе Гоголя, так и в пьесе Ша Есиня думают меньше всего. Красноречиво описание места действия перед четвертым актом комедии, в котором показана работа заведующего фермой, где работал Ли Сяочжан до своего побега в город: «В кабинете директора фермы Хайдун царит хаос. Все бытовые и офисные принадлежности находятся не на своих местах. Старый вымпел был повешен на сломанную стену почти у пола, а сломанная метла была привязана к веревке кабельного выключателя. В углу дома растет несколько пучков сорной травы, так что зрители могут полностью представить, на что похожи поля фермы. Когда занавес открывается, заведующий фермой Чжэн выходит на сцену с баллончиком для распыления пестицидов за спиной, а затем садится за свой стол, чтобы выпить» [\[16, с. 72\]](#)

Это описание отсылает зрителя к комедии «Ревизор», а точнее, к тем указаниям, которые дает городничий судье Ляпкину-Тяпкину об исправлении нарушений в устройстве «присутственных мест» в суде, чтобы судья устранил беспорядок. «Городничий: Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Кроме того дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода – это тоже не хорошо» [\[6, с.13-14\]](#).

На уровне конфликта двух пьес также прослеживается определенное сходство. Ша Есинь, как и Н. В. Гоголь в комедии «Ревизор», акцентирует внимание на социальных недостатках, поэтому в пьесе «Если бы я был настоящим» складывается ситуация, как и в «Ревизоре»: лжец Ли Сяочжан при ближайшем рассмотрении оказывается виновен только косвенно, а его «жертвы» – это недобросовестные чиновники, обманутые самими

собой. Ша Есинь смещает главную смысловую нагрузку с традиционного для китайской плутовской литературы финального эпизода разоблачения обманщика на обличение различных общественных недостатков, которые воплощают герои комедии – чиновники. Почти как у Н. В. Гоголя, вина с молодого человека перекладывается на тех, кто позволил своими пороками воплотиться в жизнь всей этой ситуации.

Хотя комедия «Если бы я был настоящим», так же как и произведение Н. В. Гоголя, призвана сатирически обличить беспринципность и недобросовестность чиновников, тем не существенным отличием от гоголевского «Ревизора» будет строгий ориентир Ша Есиня на национальную литературную традицию победы добра над злом. Эта установка автора определяет во многом предсказуемый финал пьесы, который закономерен, так как в полной мере соответствует канонам китайской обличительной литературы: группа коррумпированных чиновников разоблачается, их неблагоприятные поступки наказываются.

Напомним, что в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» главным обличителем социальных пороков и положительным героем является сатирический смех. Гоголь сознательно отказался от изображения положительных персонажей, что было обусловлено не только «верностью принятой художественной системе», но и тем, что в комедии «смех приобретал роль единственного разграничителя существующего и должного, роль единственного "честного лица"» [\[12, с. 343\]](#).

Для национальной литературной традиции Китая такое положение вещей является недопустимым, обязательно должен быть представлен персонаж, воплощающий этический идеал, «иной», правильный взгляд на вещи. Для изображения победы добра и справедливости Ша Есинь вводит положительного героя – это внезапно приехавший из столицы «мудрый старец» Чжан, чьим сыном представился герой.

В композиции заключительной части комедии Ша Есинь использует тот же самый прием «двойного разоблачения», что и Гоголь: так же как Хлестаков, разоблачая себя в письме, обнаруживает одновременно и недостатки чиновников, герой комедии Ша Есиня, признавая себя виновным и, объясняя причины своего обмана, раскрывает правду о тех, кто подтолкнул его на это: «Чжан Сяоли: (взволнованно) Эта афера была создана всеми! Разве люди, которые были обмануты мной, не обманывают других? При этом они не только предоставляли мне все условия для лжи, но даже больше: некоторые из обманутых научили меня обманывать других. Я не отрицаю, что использовал ваши имя и положение для достижения своих целей, но разве они не пытались использовать мое ненастоящее имя, чтобы получить для себя еще больше привилегий? Да, я притворялся вашим сыном, и они так льстили мне, предоставляли различные удобства и позволяли мне делать то, чего я не мог позволить себе делать раньше. Если я представляюсь сыном обычного рабочего или фермера, дадут ли эти же люди мне столько возможностей? Помогли бы они мне просто так? Конечно, нет. Если бы у них не было этих возможностей и привилегий, я бы и не притворялся!» [\[16, с. 105\]](#).

Как уже было сказано выше, драматург смещает акцент в сцене «снятия масок» с разоблачения личности Ли Сяочжана на разоблачение чиновников. Сделать это ему позволяет распространенный в мировой литературе сюжетный прием «изобличающее письмо», который Ша Есинь тоже заимствует в комедии Н. В. Гоголя, но трансформирует в соответствии со своими художественными задачами. Так, в комедии «Ревизор» чиновники узнают, что Хлестаков не тот, за кого себя выдает, из перехваченного на почте письма самого Хлестакова к своему другу, в котором молодой человек дает каждому, с кем познакомился, нелестную характеристику. В комедии Ша Есиня

наоборот, чиновники сами изобличают себя в своих проступках своими же письмами, адресованными высокопоставленному «отцу» главного героя, в которых они излагают свои личные просьбы, нарушающие закон: «Чжан Сяоли (достает из кармана несколько писем): Смотрите, это письмо для вас от директора Чжао, она хочет получить вне очереди дом побольше; это – от директора Сунь, он хочет перевести своего зятя обратно из Северо-Восточного района в город. Это письмо, которое директор Цянь написала вам вчера, она просила меня передать его вам лично, чтобы она и секретарь Ву могли войти в состав делегации, выезжающей за границу» [\[16, с. 105\]](#). Этот прием «изобличающего письма» помогает читателю, знакомому с комедией Н. В. Гоголя, легко провести параллели между двумя произведениями.

Однако не все приемы русского драматурга Ша Есинь использует в сюжете своей комедии. Вспомним, что Н. В. Гоголь заканчивает «Ревизора» немой сценой, которая представляет собой реакцию на приезд настоящего ревизора. Этим приемом, получившим в литературоведении термин «открытый финал» драматург оставляет читателю простор для воображения: мы не знаем, удастся ли городничему избежать наказания или он, вместе со своими подчиненными, получит по заслугам. В пьесе «Если бы я был настоящим» Ша Есинь, как помним, руководствуется национальной литературной традицией, поэтому в последнем действии с проверкой приезжает настоящий ревизор, который становится орудием возмездия: недобросовестные чиновники разоблачаются и предаются в руки правосудия. Ревизором в пьесе Ша Есиня оказывается тот же самый «отец» главного героя – старец Чжан, который сначала беседует со своим ненастоящим сыном, а затем неожиданно заявляет чиновникам, что он отправлен правительством, чтобы проверить их верность идеалам партии и должностную дисциплину.

Обличительный пафос комедии Ша Есиня достигает своего пика в оправдательной речи главного героя на суде, которая становится прямым обвинением коррумпированных чиновников. Неслучайно автор вкладывает уста Ли Сяочжана, сидящего на скамье подсудимых, фразу, ставшую заголовком пьесы: «Я был неправ, потому что на самом деле я совсем не тот, кем представлялся. Однако, если бы я был настоящим и действительно был бы сыном главы Чжана или какого-то другого главы, тогда все, что я делал, было бы полностью законным» [\[16, с. 107\]](#). По силе обличения эти слова Ли Сяочжана можно сравнить со знаменитой репликой городничего: «Чему смеетесь? над собою смеетесь!» [\[6, с. 94\]](#). Однако Ша Есинь не стал использовать находку русского драматурга – «разрушение четвертой стены» – прямое обращение к зрителю со сцены, чтобы обозначить роль смеха как единственного положительного героя комедии «Ревизор».

Ша Есинь предпочитает использовать «разрушение четвертой стены» для обличения пороков чиновников, завершая этим приемом речь старца Чжана в защиту молодого человека на суде в финале комедии. В последнем действии Ли Сяочжан просит своего «отца» выступить со стороны защиты на суде. Старец Чжан соглашается, но во время судебного заседания из адвоката подсудимого он становится обвинителем чиновников, погрязших в коррупции. Вот фрагмент из его речи: «Ли Сяочжан также является жертвой, поэтому, пожалуйста, подумайте, следует ли относиться к ответчику однобоко. Причина его искусного обмана в том, что некоторые неразумные чиновники создают благоприятные условия для такого обмана <...> все они хотели удовлетворить свои прихоти с помощью подсудимого, поэтому очевидно, что они не столько жертвы, сколько участники этой аферы <...>. Хотите, чтобы народ усердно работал, а сами стремитесь к роскошной жизни? Мы не можем делиться радостями и печалью со своим народом, но у

нас с ним одно сердце и одна и та же добродетель. Несправедливость и неравенство могут погубить! Будьте бдительны!» [\[16, с. 108\]](#).

Эти слова старца Чжана как представителя центральной власти, критикующего коррумпированных чиновников, а также его призыв к гражданам в финале пьесы быть бдительными, отразили стремление автора к идеалу светлого будущего. Следуя традиционным этическим нормам китайского общества, которые осуждают обман, лесть и любое мошенничество, Ша Есинь, несмотря на сочувствие своему герою, все же считает нужным показать, что судьба тоже наказывает за отступление от правды. После того, как обман Ли Сяочжана был раскрыт, юноша был не только наказан по закону, но и заплатил дорогую цену за свое постыдное поведение – он был наказан самой жизнью. Узнавшая о его обмане невеста Минхуа теряет ребенка, она в больнице, за ее жизнь борются врачи.

Вместе с трагическими и драматическими моментами Ша Есинь использует комические ситуации, которые сближают его комедию и произведение Н. В. Гоголя. Отметим, например, прием, который получил название «разговор глухих» и прием «одно вместо другого». В основе приема «разговор глухих» лежит алогизм. Например, в комедии «Ревизор» есть сцена, когда городничий приходит в гостиничный номер к Хлестакову, чтобы просить его переехать, а Хлестаков полагает, что это арест. Оба героя испытывают страх, каждый думает о своем, поэтому они не слышат друг друга. Подобная сцена есть в комедии Ша Есиня «Если бы я был настоящим». Когда в начале комедии Ли Сяочжан представился сыном высокопоставленного чиновника из Пекина и получил желаемые билеты на спектакль, директор театральной труппы Чжао пригласил молодого человека к себе в кабинет и начал беседовать с ним с целью выяснить, чем можно помочь юноше, чтобы в обмен на услугу «сыну» получить новую квартиру за счет «отца» Ли Сяочжана. Молодой человек нервничает, потому что боится разоблачения и наказания за то, что принял чужое имя и за то, что совершил побег с фермы на Северо-Востоке, поэтому подозревает директора труппы в стремлении наказать за ложь и отвечает на вопросы уклончиво, его ответы непонятны для собеседника:

«Руководитель Чжао: Как погода в Пекине?

Чжан Сяоли (нервно): Спасибо, все в порядке, идет снег.

Руководитель Чжао: Летом все еще идет снег?

Чжан Сяоли: Нет, зимой идет снег. По всей стране одно и то же: всегда зимой идет снег.

Руководитель Чжао: Да, да, конечно. В этот раз вы приехали из Пекина по каким-то делам?

Чжан Сяоли: Я так нервничаю. Больше всего боюсь деловых поездок.

Руководитель Чжао: Так вы приехали навестить друзей? Еще какие у вас намерения?

Чжан Сяоли: (настороженно): Почему вы спрашиваете? Что плохого в намерении посмотреть спектакль? Это запрещено?

Руководитель Чжао: Нет, я имею в виду, помимо посещения друзей, какие еще у вас есть цели?

Чжан Сяоли: Я просто хочу отдохнуть и посмотреть пьесу» [\[16, с. 5\]](#).

Прием «одно вместо другого» Ша Есинь использует в эпизоде, когда главный герой

звонит из квартиры директора Цяна, якобы в отель Наньху, чтобы отменить бронирование комнаты. Желая обмануть стоящего рядом чиновника, Ли Сяочжан набирает случайный номер и попадает в похоронное бюро. Слова героя о деталях своей жизни в контексте темы смерти в диалоге со служащим бюро порождают комический эффект.

Таким образом, можно говорить о том, что преломление сатирических традиций Н. В. Гоголя в комедии Ша Есиня «Если бы я был настоящим» во многом обусловлено внутрисполитической ситуацией в Китае в 1970-х гг., а также влиянием национальных традиций китайской литературы. В связи с этим сатирические традиции комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в произведении Ша Есиня были использованы в той мере, в которой это было необходимо для выражения основной авторской идеи, основывающейся на идеологической стороне гоголевского сюжета, что объясняет приоритет заимствований сюжетных приемов и юмористических ситуаций, представленных в комедии «Ревизор». Продуктивность сопоставления комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» и пьесы Ша Есиня – еще одно подтверждение мысли о том, что «произведение инациональной литературы, попав в новый контекст и став его частью, участвует в развитии воспринимающей литературы, наравне с произведениями, созданными внутри нее» [13]. Рецепция гоголевской сатиры позволила Ша Есиню создать оригинальное произведение, обогатившее китайскую литературу.

Библиография

1. Бай Хуэй, Возвращаясь к прошлому и обсуждая «правильное и неправильное» - комментарий к пьесе Ша Есиня «Если бы я был настоящим» = 白慧,重提往事论是非-评沙叶新《关于〈假如我是真的〉》-文//上海戏剧 / Бай Хуэй //Шанхайские драмы. – 1981. – № 1. – С. 2-5.
2. Боров Ю. Б. Теория художественного восприятия и рецептивной эстетики, методология критики и герменевтика. Место введения / Ю. Б. Боров // Теории, школы АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. Ю. Б. Боров. – М. : , концепции: (Критические анализы). Худож. рецепция и герменевтика». Изд-во Наука, 1985. – 288 с.
3. Ван Юаньцзе. Гоголь [М] = 果戈理 / Ван Юаньцзе. – Далянь : Ляонинское народное издательство, 1982. – 149 с.
4. Вунь Яхун. «Захватывающая драма» того времени - создание и изучение «Если бы я был настоящим» = 温雅红,时代的“惊险剧”—《假如我是真的》的创作与争鸣 / Вунь Яхун //Литературная полемика. – 2020. – № 4. – С. 16-22.
5. Гао Жэнь, Исследование восприятия драм Ша Есиня в новый период =新时期沙叶新话剧的接受研究 : магистерская диссертация / Гао Жэнь; Коллекция университета Янчжоу, 2014. – 58 с.
6. Гоголь Н. В. Ревизор // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 4. Ревизор. – 1951. – С. 5-95.
7. Горковенко А. Е. Русская литература в культурном пространстве Китая: история и современность / А. Е. Горковенко, С. В. Петухов // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. – 2011. – Вып. 10. – С. 184-188.
8. Левакин Н. Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) / Н. Н. Левакин // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 308-310

9. Лонг Фей. Мастер сатирического искусства Гоголь = 讽刺艺术大师果戈理/龙飞 /Лонг Фей. - Пекин : Коммерческая пресса, 1984. – 65 с.
10. Лу Баотай, О низком уровне эстетики пьес Ша Есины - Размышления о концепции создания драмы = 论沙叶新剧作审美的低层次性——关于话剧创作观念的思考 / Лу Баотай // Журнал Шанхайского педагогического университета – 1989. – № 7. – С. 47-52.
11. Лян Цинбяо. О «карнавальном» духе драмы Ша Есиня = 论沙叶辛新剧的狂欢精神 / Лян Цинбяо //Драматическая литература. – 2012. – № 8. – С. 102-105.
12. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. – 2-е изд., доп. – Москва : Худож. лит., 1988. – 412 с.
13. Машакова А. К. Теоретические основы литературной рецепции / А. К. Машакова. – URL : http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69591.doc.htm (дата обращения: 15.01.2023).
14. Митюрёва Д. С. Теория рецепции и ее применение в области интеллектуальной истории / Д. С. Митюрёва // История и историческая память. – 2016. – № 13/14. – С. 27.
15. Серебряков Е. А. Гоголь в Китае / Е. А. Серебряков // Гоголь и мировая литература : сборник статей / АН СССР, Ин-т мировой лит.им. А. М. Горького ; отв. ред. Ю. В. Манн. – Москва : Наука, 1988. – С. 225-274.
16. Ша Есинь. Если бы я был настоящим = 沙叶新.假如我是真的 / Ша Есинь. – Пекин: Пекинское издательство федерации литературы и искусства. 1981. – 110 с.
17. Ша Есинь. Сравнивая «Ревизора» Н. В. Гоголя и «Если бы я был настоящим» Ша Есиня //Литературные новости. – 1981. – № 1. – С. 17-20.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающей важности изучения рецепции творчества русских писателей в иноязычных культурах, в первую очередь китайской. Отметим возрастающий интерес к изучению китайского языка и культура в нашей стране, так и обратному явлению – интересу наших соседей к русскому языку и культуре, что способствует сближению двух стран. Кроме того, автор рассматривает рецепцию творчества русского писателя в произведениях Ша Есиня.

Целью статьи является анализ продуктивной рецепция, которая, в отличие от репродуктивной рецепции, связана с вхождением сатирических произведений Н. В. Гоголя как инонациональных текстов в творчество китайских писателей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить своеобразие китайской рецепции творчества российского автора, популярного в Китае.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования. Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, что, несомненно, усилило бы теоретическую значимость работы. Отметим также нарушение ГОСТа при выстраивании библиографии. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской культуры, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Морозова И.В. — Художественное пространство и время в фантастической повести В. Д. Колупаева «Дзяпики» (1989) // Филология: научные исследования. – 2023. – № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.7.39742 EDN: TTMQBY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39742

Художественное пространство и время в фантастической повести В. Д. Колупаева «Дзяпики» (1989)

Морозова Инна Викторовна

ORCID: 0000-0001-8955-6504

аспирант кафедры романо-германской и классической филологии, Томский государственный университет

634050, Россия, Томская область, г. Томск, пр. Ленина, 36

✉ miv96@inbox.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.7.39742

EDN:

TTMQBY

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению творчества томского писателя-фантаста, члена Союза писателей СССР Виктора Дмитриевича Колупаева (1936-2001). Цель исследования – выявление особенностей репрезентации категории художественного пространства и времени в поэтике малой прозы фантаста на материале повести «Дзяпики» (1989). Теоретическую базу исследования составили работы, посвященные рассмотрению пространственно-временной организации художественного текста в научно-фантастических произведениях. Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы и общие выводы могут быть использованы при изучении истории русской литературы и советской фантастики, региональной литературы в рамках спецкурсов. Научная новизна работы заключается в изучении пространственно-временной организации малой прозы В. Д. Колупаева, а также в привлечении в качестве материала исследования ранее не изученной повести, важной для понимания своеобразия художественного мира автора. Определена и проанализирована трехчастная система хронотопа, выявлено своеобразие использованного традиционного для научной фантастики сюжета путешествия во времени с целью раскрытия социальной проблематики. Три хронотопа (эпоха дзяпиков, реальное время и их смешение),

характерные черты которых репрезентированы в пейзажах и характерах главных героев, позволяют изобразить недостатки системы, негативно влияющей на человека.

Ключевые слова:

русская литература, советская фантастика, гуманитарная фантастика, Виктор Колупаев, Дзяпики, художественное пространство, художественное время, хронотоп, путешествия во времени, Сибирь

Актуальность темы исследования определяется высоким интересом современной филологической науки к способам репрезентации категорий пространства и времени в художественных произведениях и выявлению их особенностей посредством литературоведческого анализа. В последнее десятилетие изучение данных категорий было выполнено на материале произведений таких советских писателей-фантастов, как А. Беляев [\[1\]](#), И. Ефремов [\[2\]](#), К. Булычев [\[3\]](#) и др. Обращение к творчеству сибирского автора, члена Союза писателей СССР (1976) Виктора Дмитриевича Колупаева (1936–2001) является неслучайным. Пространственно-временная организация текста его прозы представляет собой богатый материал для литературоведческого анализа; сам В. Д. Колупаев выделял категории пространства и времени как ключевые в своем творчестве: «В общем-то, почти все мои рассказы и повести – о Пространстве и Времени, и еще – о Человеке» [\[4, с. 5\]](#).

Повесть «Дзяпики» не становилась предметом научного исследования. В целом наблюдается малая изученность прозы томского писателя. Ранее рассматривались исключительно его поздние произведения, например, роман «Сократ Сибирских Афин» (2001) [\[5–9\]](#). В аспекте изучения художественного пространства и времени нами были проанализированы циклы «Жизнь как год» [\[10\]](#) и «Капитан Громовержца» [\[11\]](#), повесть «Качели Отшельника» [\[12\]](#) и рассказ «Газетный киоск» [\[13\]](#).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: впервые изучить повесть «Дзяпики» (1989) с точки зрения реализации концепции художественного пространства и времени; проанализировать специфику индивидуально-авторской картины мира писателя в данном ракурсе.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы при изучении истории русской литературы и советской фантастики, региональной литературы в рамках спецкурсов. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий по истории советской фантастики, а также литературоведению (в частности, анализу пространственно-временной организации художественного текста).

В методологическом отношении для понимания художественного воплощения категорий пространства и времени в исследуемом произведении В. Д. Колупаева использовались принципы сравнительно-исторического анализа, культурно-исторический метод, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, в которых категории пространства и времени осмысливаются сквозь призму художественного сознания авторов научно-фантастической литературы [\[14–16\]](#).

В рамках настоящего исследования основополагающей концепцией для изучения художественного пространства и времени выступает категория хронотопа М. М. Бахтина, подразумевающая «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [17, с. 234]. Как известно, исследователем было подчеркнуто соотношение хронотопа и жанра, что находит свое подтверждение и в жанре фантастики. Так, украинская писательница О. А. Чигиринская пишет: «Следуя Бахтину, я предпочитаю называть фантастику жанром и определять его главную жанрообразующую поэтическую черту как "невозможный" хронотоп, создаваемый тремя основными методами: утопией (невозможное место), ухронией (невозможное время) и усэквией (невозможная вещь в подчеркнуто реальном хронотопе)» [18].

История создания фантастической повести «Дзяпики» выделяется на фоне других произведений малой прозы писателя. Идея о героях-дзяпиках и капиках появилась у В. Колупаева за несколько лет до начала литературной деятельности. В 1961 году, когда дочери писателя, Ольге, было всего девять или десять месяцев, она неожиданно для всех присутствующих произнесла фразу «Капики, дзяпики, аптека». В. Колупаев вспоминал: «Я тут же "догадался", что "Дзяпики" – это мы, аптека означает, что всех нас надо лечить, ну а Капики, видно, место, где все с нами происходит. И в ту минуту я уже точно знал, что буду писать фантастику и напишу роман "Дзяпики"» [19]. В результате повесть «Дзяпики» была написана в 1974 году, а опубликована спустя 15 лет в новосибирском литературном журнале «Сибирские огни». О невозможности опубликовать работу в 1970-е гг. В. Колупаев упомянул в интервью томской газете «Лагерный сад» (1990); он связал сложившуюся ситуацию с проблемой «писатель и власть» в Советском Союзе: «**Корр.** (выделение полужирным здесь и далее мои – И. М.) Виктор Дмитриевич, приходилось ли вам сталкиваться с проблемой: писатель и власть? // **В. К.** Приходилось неоднократно. Должен заметить, что власть в этом случае всегда являлась какой-то анонимной силой. Рассказ или повесть объявляется антисоветским произведением, и тут уже ничего сделать было нельзя, никакие доказательства во внимание не принимались. Иногда через несколько лет эти рассказы и повести неожиданно проскакивали, потом снова подвергались нападкам. Все это похоже на какой-то шизофренический бред. <...> Пятнадцать лет пролежала в столе повесть «Дзяпики», недавно вышедшая в журнале «Сибирские огни». <...> Так происходило и все еще происходит со многими писателями. В Томске много прекрасных фантастов, о которых пока никто ничего не знает. Это трагедия и для них, и для литературы, и для нашей страны. Литература все еще находится под чудовищным прессом идеологии и политики» [20].

Отказ в публикации повести «Дзяпики» кажется закономерным, поскольку в ней автор прямо критикует современное общество посредством классического для научно-фантастической литературы сюжета – путешествие во времени. Благодаря транстайму или трансформатору времени сотрудники специального конструкторского бюро Пространства и Времени отправляются в прошлое, а именно в 12 тысячелетие до нашей эры. В результате исследователями была обнаружена ранее неизвестная науке цивилизация Дзяпиков, живущая в селении под названием Капики. Вождем племени является Эхразещераз. Чем больше экспедиция наблюдала за дзяпиками, тем больше они походили на современных персонажей людей. Таким образом была обнаружена проблема протечки времени. Это отражалось и на окружающем героев пространстве: «Сам поселок, состоявший из нескольких сот хижин, казалось, был построен по типовому проекту, такой в нем чувствовался порядок. Улицы пересекались только под прямыми углами, и на перекрестках стояли каменные тумбы с выбитыми на них знаками, очень

напоминавшими знаки правил дорожного движения» [\[21, с. 200\]](#).

В повести В. Колупаева реализуются три хронотопа. Во-первых, фигурирует реальное пространство, из которого персонажи отправляются в путешествие во времени. Дается точная дата начала экспедиции: «6 июня 1974 года в одиннадцать часов по местному времени транстайм проник и совершил остановку в двенадцатом тысячелетии до новой эры.» [\[21, с. 217\]](#). Детали описания города репрезентуют реальное пространство как сибирский город, в первую очередь это отражается в описании морозной погоды: «Между гаражом, где монтировался транстайм, и инженерным корпусом СКБ был сооружен закрытый переход. Этот переход наверняка планировался теплым, но в нем дуло из всех щелей. Градусов десять мороза. **Все-таки не сорок, как на улице.**» [\[21, с. 198\]](#). В отличие от других произведений, где родной для писателя Томск, являющийся основным урбанистическим образом, не упоминается напрямую, а называется Усть-Манск или Фомск, в повести «Дзяпики» отсутствует наименование города, где проживают главные герои. Тем не менее упомянуты топонимы Томской области: «... летом прошлого года, – продолжал доктор исторических наук, – проводившая раскопки около **деревни Кафтанчиково**, обнаружила останки человека, жившего примерно четырнадцать тысяч лет назад. <...> Но главное в самой цивилизации. Если она существовала, то это одна из древнейших известных нам цивилизаций **в районе Западно-Сибирской низменности.**» [\[21, с. 219\]](#).

Второй хронотоп представлен во времени и пространстве цивилизации Дзяпиков. При этом если время, как было сказано ранее, четко определено, то пространство прошлого в физическом плане соотносится с реальным, т.е. с территорией Западной Сибири, однако географический пейзаж отличен. Умеренный климат видоизменяется в тропический: «**Горячий влажный воздух** ворвался в машину. **Яркая и сочная трава** расстилалась внизу. Причудливые огромные цветы переливались желтыми, синими и фиолетовыми красками. Красные цветы с белыми прожилками, сморщившись, жухли на глазах. В воздухе носились тысячи насекомых. **Пахло пряным и терпким. Если и была где-нибудь экзотика, так это здесь. Тропики!** Двенадцатое тысячелетие до новой эры! Еще не возникли на Земле великие цивилизации. Люди ходят в шкурах и набедренных повязках и едва-едва освоили каменный топор.» [\[21, с. 190\]](#).

Третий хронотоп определяется взаимодействием между двумя другими за счет реализации сюжета протечки времени. С одной стороны, это подчеркивается изменением пространства, в частности климата: становится прохладнее, вместо пальм появляются березы: «– Холодно, – сказала Тоня. // – Да, – согласился Юрий. – Сегодня холоднее, чем обычно. И лес стал другой.» [\[21, с. 344\]](#); «– А пальмы превращаются в березы, – сказал дзяпик.» [\[21, с. 285\]](#). С другой стороны, реалии времени и пространства советского общества 1970-тых годов просачиваются в каменный век. Изменение проявляется и в общественной жизни племени дзяпиков, у которых появляется собственный СКБ, командировки, документооборот и т.д. В то же время происходит смена вероисповедания: взамен языческим богам племя стало поклоняться Всеобъемлющей Святой Непорочной Деве Инструкции и ее божественному сыну Параграфу. Таким образом автор иронизирует над советской бюрократической системой: «Культ Всеобъемлющей Непорочной Девы Инструкции утвердился повсеместно, быстро и без особых протестов. За ней, за этой каменной, вечной, тяжеловесной Инструкцией жить было гораздо спокойнее, чем за широкой спиной грозного, но вряд ли существующего Бога. За ней не надо было ломать голову, не надо было брать на себя ответственность. Не надо было думать!» [\[21, с. 286\]](#).

Протечка времени отражается и в портрете одного из главных героев, вождя Эхразещераза: сначала он напоминает настоящего дикаря, позже он ведет собрание племени, одетый по-современному – в джинсах. Ср.: «Седые волосы вождя, перетянутые узенькой полоской высушенной змеи, украшала копна разноцветных перьев. На голую грудь опускалось ожерелье из клыков мастодонта. Бедро опоясывала коротенькая юбочка из веток лиан. Лицо украшал орнамент. В левой руке вождь держал тяжелое копье с острым каменным наконечником» [\[21, с. 202\]](#); «– Ну что ты вопишь, Глупышонок, – проникновенным, но властным голосом сказал Эхразещераз. – На мне твои джинсы. Да, на мне. Начальник СКБ без штанов ходить не может. Не можем мы ходить без штанов!» [\[21, с. 228\]](#). Таким образом, быстро эволюционирующая цивилизация дзяпиков настолько сильно становится похожей на современных людей, что порой трудно определить дзяпик ли это или нет. Это выражается и в двойственной системе персонажей повести: директор НИИ Пространства и Времени Николай Васильевич Разов и вождь Эхразещераз, две Тони в прошлом и настоящем, ведущий инженер СКБ Юрий Петрович Вельский и Несмышлениш у дзяпиков и др.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Повесть В. Д. Колупаева «Дзяпики» представляет собой оригинальный материал с точки зрения изучения категорий художественного пространства и времени как ключевых элементов для понимания поэтики малой прозы писателя. При помощи фантастического сюжета путешествия во времени автор обращает внимание на актуальные общественные проблемы: слепое подчинение системе, некомпетентность, безразличие, нежелание и неспособность брать ответственность на себя. Трехчастная система хронотопа (эпоха дзяпиков, реальное время и их смешение), характерные черты которой репрезентированы в пейзажных зарисовках, портретах главных героев, позволяет выявить недостатки человека системы, в частности его равнодушие и беспрекословная покорность. Как справедливо отметил А. В. Горшенин в статье «Обыкновенное чудо» (2001), «понятие дзяпик в повести выступает не только в качестве некоего реального субъекта произведения, но еще и как своеобразная метафора того самого угодливо-послушного, безразличного винтика раба, которого, помнится, Чехов призывал выдавливать в себе по капле» [\[22\]](#). Перспектива дальнейшего исследования видится в обращении к пространственным и временным образам его наследия в целом и повести «Дзяпики» в частности.

Библиография

1. Старцев Д. И., Осьмухина О. Ю. Своеобразие построения фантастического мира в романе «Остров погибших кораблей» А.Р. Беляева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 13. № 5. С. 24–28.
2. Осьмухина О. Ю., Майрова Д. А. Специфика конструирования фантастического мира в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1 (34). С. 29–40.
3. Дормидонтова А. Ю., Минералова И. Г. Чудесный мир в сказочной повести Кира Булычева «Заповедник сказок» // Книга в культуре детства: монография. Ярославль: ООО Агенство «Литера», 2020. С. 134–139.
4. Колупаев В. Д. Пространство и время для фантаста. Томск, 1994. 54 с.
5. Никиенко И. В. «Пушкинский текст» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 104–113.
6. Никиенко И. В. Вода как онтологическая и гносеологическая среда: особенности

- художественной адаптации философского концепта «первоначало» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 57–67.
7. Никиенко И. В. Дискурсивное синтезирование концепта «Апейрон» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева: «афинский» слой // Сибирский филологический журнал. 2014а. Вып. 4. С. 229–238.
8. Никиенко И. В. Персонализация институционального как дискурсивная стратегия фантаста (на материале поздней прозы В. Д. Колупаева) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014b. Вып. 10 (151). С. 157–164.
9. Рыбальченко Т. Л. Проза из Сибирских Афин // Виктор Дмитриевич Колупаев: биобиблиографический указатель / сост. и авт. предисл. А. В. Яковенко; ред. С. С. Быкова. Томск, 2005. С. 41–43.
10. Морозова И. В. Категория времени как основа архитектоники программного цикла В. Д. Колупаева «Жизнь как год» (1982) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1354–1358. DOI: 10.30853/phil20220231
11. Морозова И. В. Специфика художественного пространства в цикле В. Д. Колупаева «Капитан Громовержца» (1982) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. С. 3412–3417. DOI: 10.30853/phil20220631
12. Морозова И. В. Художественное пространство и время в повести В. Д. Колупаева «Качели Отшельника» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. мат. VIII (XXII) междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Томск, 15-17 апреля 2021 г.). Вып. 22. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. С. 479–484.
13. Морозова И. В. Городские топосы как переводческая проблема: образы Томска в рассказе В. Колупаева «Газетный киоск» и его переводах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. мат. VI (XX) междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Томск, 18-19 апреля 2019 г.). Томск: STT, 2020. С. 304–305.
14. Кикенова Б. Н. Фантастика и реальность в прозе: функции хронотопа в повести братьев Стругацких «Улитка на склоне» // Слово-образ-речь: грани филологического анализа художественного произведения / науч. ред. И. Г. Минералова, К. Р. Нургали. Ярославль: Литера, 2017. С. 120–128.
15. Надежкина Т. О. Мифопоэтическая организация трилогии А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»: дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2008. 215 с.
16. Московкина Е. А. Погружение против возвышения: специфика хронотопа ранних рассказов И. А. Ефремова // Культура и текст. 2019. № 3 (38). С. 44–59.
17. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
18. Чигиринская О. А. Фантастика как способ организации хронотопа // Мятажный дом. Сайт Ольги Чигиринской, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://heartofsword.eu/statya/fantastika-kak-sposob-organizacii-hronotopa>.
19. Виктор Колупаев: Всю жизнь я хотел понять, что такое пространство и время. Не могу сказать, что познал все до конца, но, кажется, на один шаг к решению этой проблемы сумел подойти: интервью // Фантастическая газета (Томск). 1992. 1 (4). С. 2–3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fandom.ru/inter/kolupaev_5.htm
20. Запинаясь о мифы. Слово писателю // Лагерный сад (Томск). 1990. 12 февраля. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fandom.ru/inter/kolupaev_11.htm
21. Колупаев В. Д. Волевое усилие: Собрание сочинений в 3 томах. Т. 3. Повести, рассказы. М.: Престиж Бук, 2017. 576 с.

22. Горшенин А. В. Обыкновенное чудо // Сибирские огни, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibogni.ru/content/obyknovennoe-chudo>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Художественное пространство и время в фантастической повести В. Д. Колупаева «Дзяпики» (1989)» написана на материале, который, несомненно, является новым и заслуживающим научного изучения. В центре внимания автора – повесть томского писателя, пространственно-временная организация прозы которого, по мнению исследователя, «представляет собой богатый материал для литературоведческого анализа».

Автор четко формулирует свои задачи – «изучить повесть «Дзяпики» (1989) с точки зрения реализации концепции художественного пространства и времени; проанализировать специфику индивидуально-авторской картины мира писателя в данном ракурсе». И успешно реализует их.

Статья хорошо структурирована. В ней отчетливо выделяются смысловые части, в которых формулируется актуальность исследования, его цель и задачи, методологическая база, степень изученности творчества автора, освещается история воздания повести «Дзяпики», анализируется ее пространственно-временная организация. В финале статьи даются обобщающие выводы.

В работе использованы «принципы сравнительно-исторического анализа, культурно-исторический метод, метод целостного анализа художественного произведения». Обозначены возможности практического использования материалов исследования, а также его перспективы.

Исходным теоретическим тезисом исследования стала идея О.А. Чигиринской о том, что главной жанрообразующей чертой фантастики является «невозможный» хронотоп, который иллюстрируется конкретным анализом текста повести В.Д. Колупаева. Автор статьи выделяет три типа хронотопа в произведении: реальные пространство и время, время и пространство цивилизации Дзяпиков, «протечки времени». В ходе анализа не просто выделяются и характеризуются три типа хронотопа, но и показано, как они соотносятся в сюжете произведения, как устанавливается между ними взаимодействие, происходит взаимоотражение. В частности, фиксируется изменение климата, изменение растительности, смена вероисповедания, появляются предметы одежды из других эпох, фиксируются парные образы. Объясняется и цель использования фантастического элемента – по мнению автора статьи, она заключается в ироническом, сатирическом изображении бюрократической системы советской эпохи.

Выводы убедительны. Их достоверность обеспечивается анализом текста, апелляцией к данным биографии В.Д. Колупаева, его прямым высказываниям и оценкам в интервью журналистам.

Изучение пространственно-временной организации повести позволило обозначить проблематику произведения, показать, с какой целью вводится фантастический элемент. В статье делается такой вывод: «При помощи фантастического сюжета путешествия во времени автор обращает внимание на актуальные общественные проблемы: слепое подчинение системе, некомпетентность, безразличие, нежелание и неспособность брать ответственность на себя». Таким образом, выявляется сверхзадача, которую решает автор.

Список литературы репрезентативен. В нем представлены как исследования теории исследуемого вопроса, так и статьи о творчестве томского писателя.

Статья, раскрывающая конкретный аспект поэтики В.Д. Колупаева, выводит вместе с тем на более широкую проблематику – она позволяет обозначить одну из тенденций в развитии региональной – томской – литературы.

Таким образом, рецензируемая статья рекомендуется к публикации в журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Агеева Н.А. — Перформативная дискурсия в монодрамах Е. Гришковца // Филология: научные исследования. – 2023. – № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.7.43617 EDN: TTNGLO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43617

Перформативная дискурсия в монодрамах Е. Гришковца

Агеева Наталья Анатольевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет

630028, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3

✉ jcl@ngs.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.7.43617

EDN:

TTNGLO

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2023

Аннотация: Цель исследования – определить специфику композиционно-речевой формы монодрам Е. Гришковца. Предмет исследования – соотношение нарративных и анарративных элементов в шести монодрамах Е. Гришковца – «Как я съел собаку», «Одновременно», «Дредноуты», «+1», «Прощание с бумагой», «Шепот сердца». Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, выделить и охарактеризовать анарративные элементы в монодрамах Е. Гришковца; во-вторых, проанализировать коммуникативные ситуации, лежащие в основе действия исследуемых пьес; в-третьих, определить соотношение нарративных и перформативных элементов в произведениях. Теоретической базой послужили работы в области художественного дискурса: ставшая уже классической теория о диалогической природе искусства М. М. Бахтина, получившая свое развитие в исследованиях В. И. Тютю. Основным методом исследования стал дискурсивный анализ художественного текста, позволяющий выявить и описать инвариантную модель монодрам Е. Гришковца. Научная новизна исследования заключается в используемом подходе: инвариантная структура монодрам Е. Гришковца выявляется с помощью изучения жанра через дискурс. Анализ особенностей дискурса монодрам Е. Гришковца показал, что событие каждой из пьес заключается в экспликации «здесь и сейчас» перед читателем/зрителем сложных внутренних

процессов, происходящих в сознании героев, задающихся онтологическими вопросами, связанными с самоопределением человека в мире. Коммуникативным объектом становится человеческая сущность в том или ином аспекте бытия, герой же пытается прояснить для себя и адресата своей речи его статус. При этом в картине мира героя понимание оказывается более значимым, чем обретение знания. Пытаясь прояснить для себя и адресата один из общих бытийных законов, герой одновременно преображает и собственное сознание, поскольку приходит к выводу о невозможности достижения взаимопонимания во всей его полноте.

Ключевые слова:

Гришковец, монодрама, драма, анарративность драматургического текста, перформативный дискурс, коммуникативная ситуация, наррация и анарративность, герой, событие рассказывания, самоидентификация

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего тем, что при большом интересе литературоведов к творчеству Е. Гришковца вопрос о жанровой и родовой специфике его монодрам до сих пор не находит однозначного решения. В целом признавая отнесенность этих произведений к драматическому роду литературы, исследователи нередко анализируют их, прибегая к категориям, свойственным больше для эпоса, имеющего, в отличие от драмы, двоякособытийную природу [1–7]. Речь героя, как правило, описывается как повествование, выстраивающееся по принципу потока сознания, что, в свою очередь, приводит к утверждениям об уникальной нарративной системе пьес исследуемого автора [6, с. 196]. Рассуждения исследователей, касающиеся пространственной и временной организации монодрам, специфики их сюжета и отчасти особенностей героя, как правило, связаны с тем, о чем герой говорит, т. е. в центре внимания в большей степени оказывается рассказываемое событие, в то время как событие рассказывания, происходящее, по закону драмы, «здесь и сейчас», трактуется строго в рамках нарратологической науки. Герой, говорящий о своем прошлом или на интересующие его темы, рассматривается не столько как персонаж, с которым что-то происходит в процессе говорения, сколько как нарративная инстанция (нарратор, рассказчик). Отчасти на это провоцирует обозначение героя как рассказчика, которое наблюдается в афишах пьес «Как я съел собаку» и «Одновременно». Любопытно при этом, что в более поздних монодрамах герой либо определяется как молодой человек («Дредноуты»), либо номинируется как «Говорящий» («+1»). Примечательно и то, что в пьесах «Прощание с бумагой» и «Шепот сердца», опубликованных в 2018 г., отсутствуют и афиши и ремарки, характерные для большинства драматических произведений. Однако в настоящее время появляются и работы, в которых предметом исследования становится именно процесс говорения героя монодрам [8], что позволяет уточнить и подробнее описать жанровую структуру этого варианта драмы. На наш взгляд, вышеизложенное свидетельствует о том, что вопрос о соотношении нарративных элементов и анарративности в монодрамах вообще и в пьесах Е. Гришковца в частности остается дискуссионным и представляет существенный интерес для теоретиков и историков литературы.

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы в области художественного дискурса: ставшая уже классической теория о диалогической природе искусства М. М. Бахтина [9–11], получившая свое развитие в исследованиях В. И. Тютю [12–14]. Это обусловлено тем, что для выявления и описания жанрообразующих

факторов в монодрамах Е. Гришковца мы прибегаем прежде всего к анализу их дискурса. Материалом для исследования послужили шесть монодрам автора – «Как я съел собаку», «Одновременно», «Дредноуты», «+1», «Прощание с бумагой», «Шепот сердца», написанные им в разные годы, включая опубликованные редакции двух из перечисленных пьес.

Первое, на что стоит обратить внимание при анализе жанровой и дискурсивной специфики монодрам Е. Гришковца, – речь персонажей, которая не обладает, на первый взгляд, стройной и выверенной структурой: она сбивчива, разделена паузами, обозначаемыми в текстах пьес как ремарками, так и многоточиями. Высказывания героев зачастую кажутся не имеющими тематического единства и связанными между собой только внезапными ассоциациями, пришедшими им на ум в процессе говорения. Герои монодрам рассказывают и рассуждают о весьма разнородных явлениях: например, о железнодорожниках и путешествиях, солдатах и матросах, фотографиях и картинах («Одновременно»), о встречах с бывшими одноклассниками, Родине и истории человечества («+1»), о словах, паровых двигателях и автомобилях, промокашке и чернильницах («Прощание с бумагой»). Интересно, что в высказываниях на какую-либо конкретную микротему, используются слова-маркеры, не просто указывающие на нее, но и неоднократно повторяющиеся: «Например, идешь по рынку, и видишь, как какой-нибудь продавец выкладывает яблоки, хорошие, тугие яблоки. Протирает их, каждое, тряпочкой, и раскладывает. И вот увидишь такие яблоки, и даже представишь, как впиваешься в них зубами, а они хрустят, и даже шипят. И чувствуешь, как сок наполняет рот, и от этого во рту даже станет кисло... И купишь таких яблок, и думаешь о том, как их будешь есть...» [\[15, с. 237\]](#) или «Недавно я узнал, что машинисты и, вот эти, локомотивы, ну, то есть тепловозы, электровозы, ну вот эти, ...на железной дороге... Но, главное – машинисты... на своих локомотивах...» [\[15, с. 203\]](#). Создается впечатление, будто персонаж пьесы заикливается на одной теме, а потом внезапно и зачастую неожиданно для читателя/зрителя перескакивает на другую, не имеющую отношения к предыдущей. Однако, разрозненные на первый взгляд высказывания героя часто оказываются объединены словами или выражениями, означающими перечисление или противопоставление: или, еще, и еще, или наоборот и т. д. Очевидно, что для героя все микротемы объединены сверхтемой, о которой он не говорит напрямую, но подразумевает: ощущение полноты бытия, которое герой стремится не столько достичь, сколько отрефлексировать. Так, например, сверхтемой пьесы «Прощание с бумагой» становится ощущение скоротечности жизни, а также страх потери индивидуальных ценностных ориентиров в быстро меняющемся мире, который беспокоит героя, и который он сам, по большому счету, не осознает до самого конца своего монолога. Похожим образом выстраиваются и монологи героев других пьес Е. Гришковца. В пьесе «Шепот сердца» герой (Сердце) перечисляет повседневные ситуации из жизни человека: поход на рыбалку, работа, просмотр телевизионных программ, посещение врача и т. д. Рассказ о службе на Русском острове героя монодрамы «Как я съел собаку» то и дело прерывается отступлениями, относящимися к его детству: поход в кино на фильм «Легенда о динозавре», ощущения, переживаемые по дороге в школу, ожидание мультфильмов, которые показывают по телевизору. Стоит отметить, что в данном случае отступления касаются не только личной биографии героя, чаще всего речь идет о некоем собирательном образе (ребенка, школьника, матроса, дембеля и т. д.). В пьесе «Дредноуты» герой говорит то о прочитанном в исторических книгах, то о себе и своих отношениях с женщинами. Причем о себе он упоминает значительно реже, но именно определение его статусно-ценностной позиции становится сверхтемой произведения, как это происходит и в монодраме «+1», где герой в равной степени говорит о себе, и о

других людях и человечестве вообще, заостряя внимание не столько на упоминаемых фактах, сколько на своих эмоциональных и интеллектуальных реакциях по тому или иному поводу.

Герои монодрам Е. Гришковца постоянно прибегают к пояснениям, комментариям и автокомментариям, пытаются подобрать более удачное слово или привести более точный пример, объясняющий то, о чем говорится, что создает впечатление живой непосредственной речи, адресованной их собеседнику, который, хоть и не присутствует эксплицитно в пространстве героя, но очевидно подразумевается. В наибольшей степени это заметно в монодраме «Шепот сердца», где адресатом высказываний Сердца становится человек, которому оно принадлежит. О создании эффекта свободного монолога говорит и тот факт, что две из шести пьес – «Одновременно» и «Шепот сердца» – были опубликованы автором в разных редакциях [15–17]. Можно это интерпретировать как свидетельство о том, что тексты монодрам не предполагают единственного окончательного и жестко закрепленного варианта. Предполагаемая автором вариативность текста монодрамы указывается и в ремарках пьесы «Как я съел собаку», имеющими рекомендательный характер: «Текст можно дополнять собственными историями и наблюдениями. Те моменты, которые особенно не нравятся, можно опускать» [15, с. 169], «В этом месте лучше показать картинки или фотографии моряков или изобразить, какими они бывают и что они делают» [15, с. 177]. Условной становится даже временная протяженность спектакля: «Эту историю желательно рассказывать не меньше часа, но и не более полутора часов» [15, с. 169]. Практика постановки спектаклей по пьесам Гришковца свидетельствует о том, что режиссеры не пренебрегают рекомендациями. Так, например, в спектакле рязанской театральной лаборатории «Костин дом» была добавлена история службы на Русском острове исполнителя роли героя – Виталия Данилова. Впрочем, и сам Гришковец, будучи режиссером и исполнителем в своих постановках, регулярно заменяет одни эпизоды другими, что-либо добавляет или, напротив, сокращает, каждый раз сочиняя текст спектакля заново, непосредственно «здесь и сейчас». Тем не менее, такая вариативность текстов монодрам не приводит к потере их целостности и не изменяет их смысла.

Как было отмечено в ранней нашей работе [18], ситуации, которые приводят герои в качестве примеров для объяснения своей позиции, также имеют очевидную ориентированность на читателя/зрителя: предполагается, что герой и адресат его высказываний – это люди, относящиеся к одной социокультурной формации, поэтому они не только легко вспоминают что-либо похожее на то, о чем говорит герой, но и испытывают сходные чувства. Все это, с одной стороны, максимально сближает точки зрения героя и читателя, подобно тому как это происходит в нарративных текстах. С другой стороны, именно «подвижность» текстов монодрам, узнаваемость и повторяемость некоторых фактов и ситуаций, излагаемых героями, ставит под сомнение статус событийности рассказываемого. Все, о чем рассуждают герои пьес, по сути, – лишь повод для его рефлексии, происходящей «здесь и сейчас» в сценическом пространстве. Так, к примеру, происходит в монодраме «Прощание с бумагой», где герой на протяжении своего монолога рассуждает о том, насколько меняется мир с переходом от письма на бумаге к использованию электронных средств передачи информации. Его высказывания, на первый взгляд, подобны пояснениям повествователя в главе «Это убьет то» романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Однако за рассуждениями героя стоит нечто большее – страх утраты человеческой самости, индивидуальности, межличностных отношений, который эксплицируется лишь в самом финале пьесы. Таким образом, коммуникативное намерение героев монодрам не сводится лишь к передаче

полученной информации, а элементы наррации в их речи сопровождаются сугубо перформативными репликами, поясняющими и проясняющими тему как для собеседника, так и для самого героя.

Герои всех исследуемых нами монодрам в акте своего говорения задаются вопросом их тождественности самим себе, самоидентичности. Рассматривая с этой точки зрения пьесы Е. Гришковца, стоит подробнее остановиться на двух его ранних произведениях – «Как я съел собаку» и «Одновременно», поскольку в них нарративные элементы наблюдаются в существенно большем объеме, чем в остальных произведениях. Стоит отметить, что первая из указанных пьес чаще всего рассматривается исследователями как нарративный [3–6], поскольку герой описывает ситуации, произошедшие с ним во время его службы на Русском острове, в относительно хронологическом порядке, выстраивая их по модели сюжета инициации. Так, например, он в своей речи четко задает пространственные и временные ориентиры, разделяя идиллическое пространство дома и inferнальное пространство Русского острова, устанавливая границу между «до» и «после» службы. При этом герой не только описывает разные ситуации, происходившие с ним, но и пытается осмыслить изменения своего статуса и мироощущения. Так, к примеру, символический поединок антагонистов, выраженный в показывании неприличного жеста пилоту японского самолетика, по мнению героя, становится признаком его перехода из статуса ребенка в статус матроса, а окончательным преобразованием становится момент тайного ночного поедания приготовленного корейцем Колей И собачьего мяса. Существенно, что в изложении этой и других ситуаций герой не соотносит себя нынешнего с прежним. Впрочем, он разделяет и себя-ребенка, и себя-матроса, и прочие свои ипостаси в каждый конкретный момент прожитого им времени. Герой в процессе рассказывания своей личной биографии пытается осмыслить несовпадение «Я прошлого» и «Я настоящего», причем не только в ситуациях, которые происходили только с ним, но и в контексте жизни каждого человека. Это приводит к тому, что противоречие между разными ипостасями, статусами героя, не исчезающими в момент его преобразования, а становящимися гранями его нынешней личности, перестает быть частной ситуацией и становится закономерностью человеческой жизни. Необходимо также отметить, что интенцию героя невозможно свести только к изложению биографических фактов. Центральным событием монодрамы становится не пережитое когда-то в отдаленном прошлом, а эксплицированное в словах ментальное действие, направленное на теоретическое преобразование объекта коммуникации, о чем свидетельствует само построение монолога героя: постоянные автокомментарии, самоперебивы, сравнения и уточнения. Цель говорения героя заключается не столько в изложении ранее произошедших событий, сколько в их осмыслении в настоящем времени.

Коммуникативное событие, разворачивающееся в монодраме, предполагает еще одно участвующее лицо, к которому обращается герой, – носителя другого сознания, читателя/зрителя. В данном случае зритель оказывается не просто молчаливым наблюдателем. Герой лишает свои воспоминания каких-то конкретных деталей, позволяя адресату соотнести свой личный опыт с его. Многочисленные небольшие сюжеты, байки, которые причудливым образом вплетаются в основную канву монолога, на самом деле взяты из коллективного прошлого, транслируют как советскую мифологию, так и универсальный опыт. Читатель/зритель оказывается не молчаливым свидетелем и судьей в этой коммуникативной ситуации, он должен сочувствовать, сопереживать, даже в определенной мере соучаствовать, поскольку если не физически, то ментально вовлекается непосредственно в театральное действие, разыгрываемое перед ним: «Представьте себе – вы проснулись однажды утром, а вы – гусар. То есть настоящий

гусар. У вас такая специальная шапка – кивер, с такой длинной штукой. У вас такой ментик, с безумным количеством пуговиц и шнурочков, штаны, сапоги, шпоры..., вот здесь – сабля, и конь. Такое большое животное – конь.» [\[15, с. 182\]](#).

Герой пьесы «Одновременно», подобно персонажу пьесы «Как я съел собаку, также размышляет о самоидентичности. В своих рассуждениях он пытается вычленил составляющие собственного «Я» и приходит к выводу, что оно не может быть выражено только телесным началом («...мои кишки и мой желудок – это не Я. А где Я? <...> Вот у меня в руке карандаш. Я вижу эту линию. Мне нужно просто в точности так же нарисовать. Я же ее вижу! И не могу. Значит, мои руки – это не я» [\[15, с. 208\]](#)), но и в то же время идентифицировать собственную самость невозможно и через описание субъективной реальности, поскольку его представления о себе и окружающих, его желания и мечты также не описывают его в полной мере. Он отмечает, что и физическая (объективная), и субъективная реальность ему абсолютно неподвластны, так как у него нет возможности их контролировать. Например, персонаж говорит о том, что «прячет» от себя свои реальные желания, заменяя жажду любви и уважения на мечту стать матросом.

Единственная возможность почувствовать тождественность самому себе в полной мере, по признанию героя, имеется лишь в ситуации, близкой к катарсической, в момент наивысшего эмоционального или эстетического напряжения. Ощущение одновременности бытия, которое герой называет «почувствовать ситуацию», «почувствовать то, что ЕСТЬ» [\[15, с. 218\]](#), происходит мгновенно, но при этом позволяет почувствовать свою целостность, воссоединиться с мировым универсумом, объединить в себе и объективное, и субъективное. Именно эта «одновременность» и становится сверхтемой данной монодрамы, соединяющей разрозненные на первый взгляд эпизоды в единое целое. Причем, «одновременность» прослеживается сразу на нескольких уровнях структуры художественного текста. Во-первых, персонаж напрямую говорит о ней во множестве эпизодов: «Вот, например, вышли вы из дома на работу... с портфелем или не обязательно с портфелем, а с чем-то в руках. Пришли на работу, а потом пошли пообедать. Идете, и вдруг как почувствуете!... В руках ничего нет, где портфель?! И в одну долю секунды вы почувствуете и отсутствие портфеля, и испугаетесь, и вспомните, что портфель остался на работе, и в каком месте он стоит, и как вы его туда ставили. И успеете успокоиться. В одну долю секунды» [\[15, с. 219\]](#), «Вы выходите, а тут справа так дерево стоит, и свет так падает, и запах мокрой пыли, и время года... И вы почувствуете себя так же, в точности так же, как чувствовали этот момент в детстве» [\[15, с. 221\]](#). Во-вторых, герой не только рассказывает, но и показывает читателю/зрителю одновременность бытия: «Включает вентилятор, начинает звучать музыка, подвешенные самолетики начинают раскачиваться» [\[15, с. 205\]](#). В-третьих, даже само заглавие текста не только лексически, но и графически это акцентирует: по орфоэпическим нормам в слове возможны два варианта ударения, и оба они выделены прописными буквам в названии монодрамы – «ОдноврЕмЕнно». Отметим также, что в одной из редакций пьесы именно с этого герой начинает свой монолог: «Дело в том, что в орфоэпическом словаре русского языка указано, что оба варианта употребления ударения в этом слове равноправны и равновозможны. То есть и одновремЕнно и одноврЕменно – это правильно. Только оба эти ударения – одновремЕнно или одноврЕменно, – то есть сразу, употреблять невозможно...» [\[16, с. 211\]](#). И в-четвертых, при всей кажущейся разрозненности тем, на которые говорит герой, в конечном счете эпизоды складываются в единое целое, поскольку представляют собой не единичные события, уникальные и неповторимые, а отдельные детали, вскрывающие в своей совокупности общую

закономерность бытия. Герой, обращаясь к очевидным и общеизвестным фактам, стремится спровоцировать узнавание ситуации адресатом, заставить его, если не пережить, то отрефлексировать то же самое ощущение одновременности. Таким образом, мыслительный акт героя вербализуется с очевидным намерением прояснить для адресата (как для себя самого, так и для читателя/зрителя) статус коммуникативного объекта, обозначить его, классифицировать и осмыслить. Необходимо, тем не менее, отметить, что финал пьесы указывает на невозможность достижения абсолютного понимания законов бытия и достижения ощущения самоидентичности ни для героя, ни для читателя/зрителя, подобно тому как недостижимо полное и адекватное эксплицирование в слове и речи сложных внутренних процессов, протекающих в сознании как героя, так и человека вообще.

Монологи героев пьес «Дредноуты», «+1» и «Прощание с бумагой» выстроены по принципу, подобному тому, что был описан выше. Нарративные элементы, безусловно, в той или иной мере присутствующие в каждой из монодрам, оказываются строго подчинены интенции героев, эксплицирующейся в сугубо перформативных высказываниях. Однако, в отличие от героев монодрам «Как я съел собаку» и «Одновременно», герои данных пьес выбирают иную коммуникативную стратегию: пытаются определить свою самость в аспекте межличностных отношений и объяснить свое понимание человеческой («+1»), поколенческой («Прощание с бумагой») и мужской («Дредноуты») сущности другому, они в большей степени отсылают к ситуациям, связанным не с ними самими, а с другими людьми (причем это могут быть как общеизвестные или известные только узкому кругу исторические личности, так и литературные герои). Такие отсылки обусловлены тем, что определение тождества самому себе возможно только при наличии Другого, в сопоставлении с кем происходит идентификация. При этом, как и в ранних пьесах Гришковца, читатель/зритель оказывается не антагонистом, а союзником героя в сложном процессе познания самого себя и мира. Прибегая как к малоизвестным, так и хрестоматийным фактам, герои используют их как примеры. Сверхтемой же становится восприятие героя самого себя и другими людьми как в гендерном аспекте («Дредноуты»), так и в аспекте индивидуальности и ценностных категорий («+1», «Прощание с бумагой»). Как принципиально Другими героями данных пьес осмысляются не только отдельные представители человечества, сыгравшие определенную роль в истории, но и гипотетические образы иного человека, творимые его собственным сознанием. Причем каждый из них осмысляется героем как некий эталон, с которым он сопоставляет самого себя, но при этом он может быть как идеалом, так и антиидеалом. Интересно, что в пьесе «Прощание с бумагой» герой проводит достаточно четкую разграничительную линию между «мы» и «они», где под первыми подразумеваются не только люди его поколения (в том числе и читатели/зрители), имеющие сходный жизненный опыт и ценностные ориентиры, но и представители далекого прошлого, объединенные с героем своей причастностью к писанию или рисованию на бумаге. Принципиально Другими в сознании героя становятся молодые «люди без почерка» [\[17\]](#), дети, родившиеся в кардинально изменившемся, по мнению героя, мире. Через сравнение с Другим герои пьес и пытаются определить свою статусно-ценностную позицию: кто каждый из них – герой или трус, яркая индивидуальность или винтик в машине истории; останется ли после него хоть какой-нибудь след? Важно также отметить, что герои указанных пьес прекрасно осознают, что их представление о себе может не совпадать с тем, как видят их другие люди, т. е. конфликт в каждом случае разворачивается по линии «я-для-себя» – «я-для-других». Так, герой пьесы «+1» в самом начале своей речи обозначает сверхтему своего монолога: «Меня никто не знает. (Пауза. Улыбается.) Но не в том смысле, что у

меня нет знакомых и я ни с кем не общаюсь. Не в том смысле, что никто не знает моего имени, сколько мне лет или чем я занимаюсь... <...> Меня никто не знает таким, каким я сам хотел бы, чтобы меня знали. Понимаете?! <...> Я этого сказать не могу. Не могу не потому, что это секрет, а потому, что у меня нет таких слов» [16, с. 160-161]. Свое коммуникативное намерение оговаривает и герой пьесы «Дредноуты»: «А, между прочим, именно в книгах про корабли... и про мужчин есть такая информация, которую не найти нигде... ни в романах, ни... Нигде не найти! Такая информация, которую я хотел бы сообщить и про себя... <...> Если бы женщины прочитали эти книжки, то им, может быть, стало проще и легче. Может быть, они бы с большей надеждой смотрели на нас... Да, вот лично на меня» [15, с. 240]. Для каждого героя монодрам недостаточно определить для себя самого свой собственный статус, ему необходимо передать то, что он знает о себе и мире, адресату своих высказываний. Но при этом герои всех исследуемых монодрам прекрасно осознают, что адискурсивные процессы сознания невозможно в полной мере выразить при помощи речи. Собственно, логика выстраивания каждого из монологов (каждая упоминаемая ситуация дублирует предыдущие и последующие, показывая одно и то же явление с разных сторон) обусловлена прежде всего стремлением героя хотя бы немного приблизиться к взаимопониманию.

Пьеса «Шепот сердца», на первый взгляд, принципиально отличается от других монодрам Е. Гришковца. Во-первых, перед читателем/зрителем предстает не привычный мужчина средних лет, рефлексирующий на разные темы, а его сердце. Во-вторых, сама речь героя выстраивается как своеобразный квазидialog между Сердцем и человеком, которому оно принадлежит, обозначенному в тексте через местоимение «ты», которое неоднократно употребляется в репликах. Текст пьесы изобилует как вопросами, адресованными незримому собеседнику, так и реакциями на ответы, оставшиеся неслышимыми для читателя/зрителя, но вполне восстанавливаемыми из контекста. Так, к примеру, Сердце время от времени само проговаривает предполагаемый ответ, обвиняет человека во лжи ему и самому себе, напоминает о различных ситуациях, связанных с повседневной жизнью, угрожает, просит, делится своими переживаниями и небольшими радостями. Любопытно, что типичность и узнаваемость ситуаций, к которым отсылает в своей речи Сердце, дает вполне резонное основание утверждать, что адресатом становятся также и читатели/зрители, которые буквально оказываются вынуждены идентифицировать себя с собеседником героя. В-третьих, нарративные элементы в произведении практически сведены к минимуму, в то время как апеллятивные реплики, побуждающие адресата вспомнить, задуматься, осознать, сопровождают буквально каждое высказывание. Однако при всех формальных различиях и в данной пьесе обнаруживается та же инвариантная модель построения, характерная для монодрам Е. Гришковца в целом: герой в своем монологе пытается вопрос человеческой идентичности, сущности, места в мире. И подобно тому, как это происходит в остальных монодрамах, вопрос остается без окончательного решения, в то время как событием, разворачивающимся перед глазами читателя/зрителя, становится сложный внутренний процесс понимания, осознания невозможности достижения ответа.

Таким образом, анализ особенностей дискурса монодрам Е. Гришковца показал, что событие каждой из пьес заключается в ситуациях, к которым обращаются герои в своей речи, а в экспликации «здесь и сейчас» перед читателем/зрителем сложных внутренних процессов, происходящих в сознании героев, задающихся онтологическими вопросами, связанными с самоопределением человека в мире.

Библиография

1. Байбекова А. Т. Особенности драматургии Евгения Гришковца // Современная драматургия – «за» и «против» педагогики (инновационная драматургия) : сборник статей. Петрозаводск, 2019. С. 19–23.
2. Гогина Л. П. Современное литературоведение и его задачи (на примере монотекстов Е. Гришковца) // Наука сегодня: вызовы и решения : материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч 2. 2018. С. 26–29.
3. Григорьева А. А., Бычкова О. А. Проблема жанра в творчестве Евгения Гришковца (на примере монодрамы «Как я съел собаку») // Актуальные проблемы преподавания национальных языков и литератур : сборник научных статей по итогам междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию кандидата педагогических наук, доцента З. Н. Якушкиной. Чебоксары, 2020. С. 161–165.
4. Конкина А. О. Особенности драматургии Е. Гришковца // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского : материалы докладов гуманитарных секций региональной университетской науч.-практ. конф. Сер. «Гуманитарные науки». Калуга, 2018. С. 484–488.
5. Розикова Н. Н. О художественных особенностях жанра монодрамы Евгения Гришковца // Филология, лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики : сборник по материалам Междунар. науч. конф. Елец, 2022. С. 131–136.
6. Ай Ц. О художественных особенностях жанра монодрамы Евгения Гришковца // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 110. С. 188–196.
7. Гончарова-Грабовская С. Я. Монодрама в творчестве Е. Гришковца // Вестник БДУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 26–31.
8. Гончарова-Грабовская С. Я. Монодрама в современной драматургии (русско-белорусский контекст) // Мова – літаратура – культура : матеріялы їх міжнар. наукової конф. пам'яті професора А. Я. Міхневича. Мінськ, 2020. С. 223–229.
9. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
10. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
12. Тюпа В. И. Драматургия как тип высказывания // Новый филологический вестник, № 3 (14). М.: РГГУ, 2010. С. 7–16.
13. Тюпа В. И. Дискурс/жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
14. Тюпа В. И. Нарратив и анарративность // Универсалии русской литературы. № 2. Воронеж, 2010. С. 14–23.
15. Гришковец Е. Зима. Все пьесы. М.: Эксмо, 2007. 320 с.
16. Гришковец Е. +1 : монолог // Гришковец Е. Сатисфакция. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2011. С. 160–210.
17. Гришковец Е. «Весы» и другие пьесы. М.: Эксмо, 2018. 432 с.
18. Агеева Н. А. Специфика дискурса монодрамы // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 116–125.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Перформативная дискурсия в монодрамах Е. Гришковца», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к произведениям наших современников.

Вместе с тем, актуальность темы исследования обусловлена прежде всего тем, что при большом интересе литературоведов к творчеству Е. Гришковца вопрос о жанровой и родовой специфике его монодрам до сих пор не находит однозначного решения, вклад в научное решение данного вопроса отчасти вносит рецензируемая статья.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Практическим материалом исследованиям явились шесть монодрам автора – «Как я съел собаку», «Одновременно», «Дредноуты», «+1», «Прощание с бумагой», «Шепот сердца», написанные им в разные годы, включая опубликованные редакции двух из перечисленных пьес.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Данный факт не позволяет научное приращение знание и новизну исследования. Заключение не отображает в полной мере задачи, поставленные в исследовании.

Библиография статьи насчитывает 18 источников исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации усилило бы теоретическую составляющую исследования. При составлении библиографии автором был нарушен общепринятый алфавитный принцип ГОСТа.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях в области отечественной филологии.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Перформативная дискурсия в монодрамах Е. Гришковца» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Семёнова Л.А. — Репрезентация когнитивной метафоры времени в постмодернистских китайских и русских художественных текстах (сопоставительный аспект) // Филология: научные исследования. – 2023. – № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.7.43447 EDN: TTYTJE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43447

Репрезентация когнитивной метафоры времени в постмодернистских китайских и русских художественных текстах (сопоставительный аспект)

Семёнова Любовь Александровна

ORCID: 0000-0003-3296-0156

старший преподаватель кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета

129 226, Россия, г. Москва, ул. 2-Ой сельскохозяйственный проезд, 4к1

✉ semenovala@mgpu.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.7.43447

EDN:

TTYTJE

Дата направления статьи в редакцию:

27-06-2023

Аннотация: В предлагаемой статье рассматривается в сопоставительном аспекте на материале постмодернистских китайских и русских художественных текстов представленность концептуальной метафоры времени. Предметом исследования выступает концептуальная метафора времени, представляющая область цели метафоры в анализируемых текстах. Кроме того, рассматривается ряд областей источника метафоры как в китайском, так и в русском художественном тексте эпохи постмодернизма («Деньги», «Пространство», «Предмет», «Река», «Живое существо», «Контейнер»). Для анализа используются произведения Мо Яня и В. О. Пелевина. В ходе исследования применялись следующие методы: метод семантического анализа, сопоставительный метод, метод концептуального анализа. Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые на материале художественной прозы постмодернизма на китайском и русском языках выясняются сходства и различия репрезентации концептуальной метафоры времени. Сопоставительный анализ показал присутствие сходства в репрезентации исследуемой метафоры в областях источника «Деньги», «Пространство», «Предмет», «Река». Отличительной особенностью китайских

текстов выступает представленность метафоры в областях «Контейнер», а русских текстов – областях «Живое существо». Практическая ценность данной работы видится в том, что эти материалы могут быть использованы на занятиях по интерпретации художественных текстов китайского языка в ВУЗах. Работы такого плана создают хорошую перспективу дальнейшего развития одного из новых направлений лингвокультурологии, а именно сравнительной лингвокультурологии, в рамках которой происходит сопоставление и сравнение разнотипных неродственных языков.

Ключевые слова:

концептуальная метафора, концептуальная метафора времени, китайские тексты постмодернизма, русские тексты постмодернизма, образный компонент концептов, сопоставительная лингвистика, китайский язык, русский язык, область цели метафоры, источник метафоры

В современном языкознании отмечается постоянный научный интерес к способам вербализации концептов. Одним из способов классификации метафоры является группирование метафор по области источника или области цели. Поскольку метафоры облегчают процесс мышления, объясняя сложные абстрактные понятия с помощью более простых и доступных, они очень распространены в концептуальных структурах мышления. Такой областью цели может быть *время*. Время является одной из основополагающих координат бытия, с которыми связан человек, и эволюция представлений о нем находит свое отражение в том числе и в языке ^[1]. Е. И. Отырба в своей диссертации «Роль когнитивной метафоры в формировании темпоральной картины мира» отмечает, что в современной языковой картине мира темпоральная картина является совокупностью метафорических моделей, в основе которых лежат базовые метафоры, причем набор этих базовых метафор у разных культур отличается в соответствии с их ценностями и представлениями о мире. В художественной литературе метафора служит для репрезентации индивидуального мировоззрения автора как языковой личности. Художественный дискурс является неисчерпаемым ресурсом для исследования национального языка посредством языковой личности автора и его мировосприятия через использование метафор ^[2]. С одной стороны, индивидуальная метафора выбивается из общей языковой модели, за счет чего и удается достигнуть необходимой для художественного произведения образности; авторская метафора может помешать объективному исследованию общезыковых метафорических моделей и концептов. С другой стороны, механизм формирования подобных метафор, несомненно, представляет интерес для когнитивной лингвистики, поскольку следует общему для всех метафор алгоритму; в дальнейшем некоторые из индивидуальных метафор способны войти в состав языка и стать общеупотребительными. Каждый концепт обладает ядром и центром (понятия, тесно связанные с предметом концепта) ^[3].

В данной статье рассмотрим несколько примеров когнитивной метафоры на основе произведений современного китайского писателя Мо Яня и российского писателя В. О. Пелевина. Тексты эпохи постмодернизма отражают современное положение языка, в то же время отличаясь ярким метафорическим наполнением; они формируют картину мира, опираясь в том числе на интертекстуальные стратегии текстопорождения ^[4], сочетают привычные для языка метафоры с авторскими, которые базируются на уже устоявшихся в языке концептах, развивая и обогащая их.

В качестве объекта исследования была выбрана когнитивная метафора «Время», которая может выступать образным компонентом в составе некоторых концептов [5]. В рамках сопоставления коснемся анализа когнитивной метафоры «Время» в составе нескольких концептов сначала на материале китайского языка.

Как и во многих языках, в китайском можно встретить концепт *деньги*. В первых примерах видно прямое указание на ценность времени: «время дорого», «время – деньги»:

这边已经曲将终人即散, 今夜要干的事情还有很多, 时间宝贵, 不敢滞留 (莫言 «生死疲劳»). И тут, как говорится, «песни закончились, люди разошлись». Вечером ещё ждали дела — время дорого, терять его нельзя (Мо Янь «Устал рождаться и умирать», в пер. И. А. Егорова).

那女人有些不耐烦, 时间就是金钱的规律对她们同样适用 (莫言 «生死疲劳»). Женщина стала проявлять нетерпение, к ней тоже применялось правило «время — деньги» (Мо Янь «Устал рождаться и умирать», в пер. И. А. Егорова).

Время сопоставимо по ценности с деньгами, поэтому время, как и деньги, можно сэкономить или потратить:

我生吃活蝉, 省了火, 省了时间 (莫言 «蛙»). Я слопал ее [цикаду] сырую, не было у меня ни огня, ни времени [экономя огонь, экономя время] (Мо Янь «Лягушки», в пер. И. А. Егорова).

您能花费那么多宝贵的时间, 耐着性子读完我那封断断续续写了两个月... (莫言 «蛙») Вы потратили столько вашего драгоценного времени и терпеливо прочли до конца мое длинное письмо, которое я писал с перерывами два месяца... (Мо Янь «Лягушки», в пер. И. А. Егорова).

刚刚十二点五十, 时间绰绰有余, 慢慢走吧 (莫言 «欢乐»). Едва двенадцать пятьдесят, времени с избытком, будь осторожнее в пути (Мо Янь «Радость», пер. мой).

Еще одним интересным примером является *时间绰绰有余* «время в избытке». Выражение *绰绰有余* (с избытком) используется для того, чтобы показать излишек чего-либо, в основном, денег или времени. Сама морфема *余* у китайцев ассоциируется с достатком и используется для пожеланий богатства, например, в выражении *年年有余 пусть каждый год будет изобильным*.

Обратимся к анализу еще одного примера. Из него видно, что время можно присвоить, как чужое имущество, а также лишить кого-то времени:

“独角兽” 不能侵占《国际歌》的时间 (莫言 «丰乳肥臀») Нельзя же «Единорогу» занимать [захватывать, присваивать] время, отведённое «Интернационалу» (Мо Янь. «Большая грудь, широкий зад», в пер. И. А. Егорова).

Кроме того, что время – это деньги, рассмотрим первичную метафору, что время – это в принципе некий предмет. В этом случае когнитивная метафора времени выступает образным компонентом концепта «Предмет». Проанализируем следующие примеры:

我抓紧时间吃草料 (莫言 «生死疲劳»). А я в это время торопливо уминал корм [букв. крепко ухватил время] (Мо Янь «Устал рождаться и умирать», в пер. И. А. Егорова).

我借你表戴戴, 只戴半天, 下午还你.....我想去趟我姨家.....掌握掌握时间... (莫言 «欢乐») Я возьму твои часы, возьму всего на полдня, после обеда верну тебе... я хочу сбегать к тетушке... органирую [схвачу] время... (Мо Янь «Радость», пер. мой).

В этих примерах мы видим, что в китайском языке время можно схватить, причем в иероглифах, которыми описано это действие, присутствует ключ «рука» 扌, что указывает на сферу употребления иероглифа – изначально иероглиф подразумевал именно физическое действие. В примере ниже также присутствует иероглиф с аналогичным ключом:

老师, 您从百忙之中抽出时间... (莫言 «酒国») *Наставник, при всей Вашей огромной занятости Вы выкроили [вытащили] время...* (Мо Янь «Страна вина», в пер. И. А. Егорова)

Этот пример показывает, что время можно вытаскивать.

Стоит отметить, что временем можно обладать, как объектом (有时间), и время можно использовать (用时间), что видно из следующих примеров.

好像要故意地拖延时间 (莫言 «酒国») *Похоже, хочет намеренно потянуть время* (Мо Янь «Страна вина», пер. мой).

最好的消磨时间的方式就是胡思乱想 (莫言 «酒国»). *Лучший способ убить [вывести из строя] время – это предаться пустым фантазиям.* (Мо Янь «Страна вина», пер. мой).

Из примеров выше следует, что время можно тянуть, но при этом время может выйти из строя, сломаться. Таким образом можно сформировать

Время также нередко сравнивают с рекой, оно течет, подобно реке, у него есть течение, оно может течь стремительно или медленно:

时间飞快地流逝着, 不觉已是半夜光景 (莫言 «白狗秋千架»). *Время пролетело [протекло] невероятно быстро, незаметно наступила полночь* (Мо Янь «Качели белой собаки», пер. мой).

Еще один концепт, который мы рассмотрим, это метафора «время» может выступать образным компонентом концепта «Контейнер». В китайском языке «в течение какого-то времени» передается через рамочную конструкцию 在.....里 или 在.....内 (находиться внутри), что соответствует положению материальных предметов в пространстве. Рассмотрим примеры ниже:

住在东厢房里的另一户人家, 在这段时间里的一个狂风暴雨日, 生了一对双胞胎女婴 (莫言 «生死疲劳»). *В один из дней [внутри одного из дней], когда бушевала гроза с сильным ветром и дождём, ещё у одной семьи, жившей в восточной пристройке, родились девочки-двойняшки* (Мо Янь «Устал рождаться и умирать», в пер. И. А. Егорова).

但要在半年的业余时间内, 自学完中学的数、理、化课程, 困难实在是太大了 (莫言 «变»). *Но нужно за полгода самостоятельно освоить в свободное время (внутри свободного времени) всю школьную программу по точным наукам – задача не из легких* (Мо Янь «Перемены» в пер. Н. Н. Власовой).

В данных случаях видно, что мы словно помещаем события внутрь времени, реализуя тем самым указанный концепт.

Кроме того, времени можно достигнуть, как места, таким образом реализуется концептуальная метафора «время» как образный компонент концепта «Пространство»:

猪场里已经空无一人, 天近黄昏, 喂食时间已到, 那七十多头幸存的猪因为饥饿发出吱吱的闹食声 (莫言 «生死疲劳»). *На ферме уже никого не осталось, темнело, пришло [достигнуто] время*

кормёжки, и семьдесят с лишним выживших счастливчиков оглашали округу голодным хрюканьем (Мо Янь «Устал родиться и умирать», в пер. И. А. Егорова).

В этом примере концептуальная метафора создает образ пространства, которое может быть достигнуто, подобно временному месту осуществления запланированных человеком действий.

Когда речь идет о полудне, китайцы в качестве «до» и «после» полудня говорят «на» и «под» полуднем. То же самое можно сказать о месяце и неделе. Эти примеры также можно отнести к ориентационным метафорам: прошлое – наверху, будущее – внизу. Прошное воскресенье – это верхнее воскресенье, следующее воскресенье – нижнее воскресенье; прошлый месяц – верхний месяц, следующий месяц – нижний месяц. Таким образом время в китайском языке течет сверху вниз.

整整一个上午, 罗汉大爷就跟没魂一样, 死命地搬着石头 (莫言 «红高粱家族»). Всё утро [над полуднем] дядя Лохань отчаянно тягал камни, словно бы лишился души (Мо Янь «Красный гаолян (История одного рода)» в пер. Н. Н. Власовой).

每个星期天下午我都听到他在盥洗间里一边冲洗墩布一边引吭高歌... (莫言 «生死疲劳») Каждое воскресенье после [ниже] полудня слышно было, как он моет швабру и распевает во всё горло... (Мо Янь «Устал родиться и умирать», в пер. И. А. Егорова).

В первом из приведенных примеров концептуальная метафора выражает образ утра (времени до полудня) самого верхнего создаваемого уровня восприятия человеком пространства. Во втором примере посредством концептуальной метафоры воспроизводится нижний уровень (после «ниже» полудня), также воспринимаемого человеком пространства. Согласно исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в языке обычно прослеживается система, что все хорошее – наверху, а плохое – внизу. Связано ли это с отношением китайцев к прошлому и будущему, покажут дальнейшие исследования.

Обратимся к аналогичному анализу репрезентации метафоры как образной составляющей концептов в русском художественном тексте постмодернизма на примере романов В. О. Пелевина. Многие из концептов пересекаются с аналогичными концептами в китайском языке. Начнем мы так же с концептуальной метафоры «время» как образного компонента концепта «Деньги». Например:

Поэтому в развратнике такая манера поведения быстро разжигает похоть, что ведет к **экономии времени** и помогает добиться лучшей оплаты труда (Пелевин В. О. «Священная книга оборотня»).

С таким человеком можно было **не тратить времени** на предисловия (Пелевин В. О. «Числа»).

В этих примерах концептуальная метафора времени представляет образ денег как ценностей, которые можно сэкономить (ведет к экономии времени) или потратить (не тратить времени).

Проанализируем дополнительные примеры по этому случаю.

Обычно клиенту **хватает времени** показать свое отношение к увиденному (Пелевин В. О. «Священная книга оборотня»).

Как показывает контекст, во времени можно нуждаться, его может хватать и не хватать (хватает времени), оно может оставаться.

Следует проанализировать и другие случаи, например:

— *А знаете ли вы, — говорил он, пристально глядя мне в глаза, — что ЦРУ в свое время финансировало движение битников и психоделическую революцию?* (Пелевин В. О. «Священная книга оборотня»)

Как показывает пример, время может принадлежать человеку (ЦРУ в свое время финансировало). Концептуальная метафора создает образ денег как ценностей, которые принадлежат конкретному человеку.

Наряду с возможностью быть образным компонентом концепта «Деньги», концептуальная метафора времени может репрезентировать образную часть концепта «Предмет». Обратимся к анализу примера из русскоязычного художественного текста.

— *Тебе предстоит за короткое время стать высококультурной и утонченной личностью. Значительно превосходящей по интеллектуальным и физическим возможностям большинство людей* (Пелевин В. О. «Empire V (Ампир V)»).

В данном контексте упомянутая метафора создает образ предмета, обладающего такой характеристикой как длина (за короткое время).

Концептуальная метафора «время» может образно представлять концепт «Река» в русском языке:

В некоторых компьютерных играх есть такая кнопка «Tx2», после нажатия на которую время течет в два раза быстрее (Пелевин В. О. «Священная книга оборотня»).

Как указывает пример, исследуемая концептуальная метафора воспроизводит в тексте образ течения реки (время течет).

В русском языке время также может быть отнесено к материальным объектам. Например:

Они [воспоминания] просто исчезнут — то есть уплывут навсегда в то самое небытие, где и так хранятся большую часть времени (Пелевин В. О. «Священная книга оборотня»).

Из примера выше следует, что время можно делить на части, одна из которых может быть большей (большую часть времени); времени может быть много или мало. Кроме того, что время может быть или не быть и может остаться, оно обладает количественной характеристикой, которой нет в китайском языке.

Концептуальная метафора времени как образная часть концепта «Пространство» в русском языке не так распространена, как в китайском, однако можно отметить, что оно имеет место.

Над ним из-за этого до сих пор смеются разные филистеры — они не знают, что в то далекое время деготь в Америке делали из растения, которое называлось JimsonWeed, или Datura — по-русски «дурман» (Пелевин В. О. «Священная книга оборотня»).

В этом случае изучаемая метафора времени воспроизводит образ такого пространства, которое может быть далеким (в то далекое время), но достигаемым для человека.

Одним из самых часто встречающихся концептов, где образная часть представлена метафорой «время», является концепт «Живое существо». Например:

Минуты улитками переползали из будущего в прошлое, я сидела у зеркала, вглядывалась в свое отражение и размышляла о красоте (Пелевин В. О. «Священная книга оборотня»).

В этом контексте метафора представляет образ живого существа, которое может идти, бежать и стоять, лететь, оно даже может ползти как улитки (*Минуты улитками переползали*).

Таким образом, сопоставительный анализ показал, что концептуальная метафора времени может выступать в виде образного компонента концептов «Деньги», «Пространство», «Предмет», «Река» как китайских, так и в русских художественных текстах. Отличительной особенностью китайских текстов является представленность изучаемой метафоры как образной составляющей концепта «Контейнер». В русских текстах она может быть образным компонентом концепта «Живое существо».

Библиография

1. Чупрына, О. Г. Представления о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка) / М: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Прометей", 2000.
2. Седых А.П. Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10) 2012. С. 16-20.
3. Исаева Л.Ф., Попова Л.Г. Экспликация центральных признаков концепта "верность" в немецких и русских художественных текстах // Litera. 2022. № 10. С. 87-94.
4. Смирнова А.И. Интертекстуальность художественного дискурса как реализация культурно-интеграционных процессов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2018. № 4 (32) 2018. С. 8-15.
5. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С.95-108.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Репрезентация когнитивной метафоры времени в постмодернистских китайских и русских художественных текстах (сопоставительный аспект)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к проведению сравнительных исследований на материале русского и китайского языков, а также данное направление является одним из приоритетных направлений современных лингвистических исследований является изучение соотношения мышления, языка и культуры, а также способов отражения реальности, характерных для того или иного народа.

В рецензируемой статье рассматривается несколько примеров когнитивной метафоры на основе произведений современного китайского писателя Мо Яня и российского писателя В. О. Пелевина.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых

в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на китайском и русском языках из рассматриваемых произведений, в том числе сопровождаются авторским переводом. Библиография статьи насчитывает всего 5 источников на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям на китайском языке, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Кроме того при оформлении библиографии выявлены нарушения общепринятого ГОСТа, а именно нарушение алфавитного следования источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению и концептологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Репрезентация когнитивной метафоры времени в постмодернистских китайских и русских художественных текстах (сопоставительный аспект)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Жикулина К.П., Перфильева Н.В. — Коммуникативный потенциал русскоязычных и англоязычных голосовых систем // Филология: научные исследования. – 2023. – № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.7.40465 EDN: TUJKVM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40465

Коммуникативный потенциал русскоязычных и англоязычных голосовых систем

Жикулина Кристина Петровна

ORCID: ID 0000-0003-2488-4616

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, кафедра, Миклухо-Маклая, 12

✉ christina.zhikulina@gmail.com

Перфильева Наталия Владимировна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, кафедра, Миклухо-Маклая, 12

✉ nperfilieva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.7.40465

EDN:

TUJKVM

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2023

Аннотация: В статье описывается проведенный анализ «спонтанного» диалога двух российских и зарубежных голосовых систем. Исследование является актуальным, так как в настоящее время не изучены возможности коммуникации введения «спонтанного» диалога русскоязычными и зарубежными голосовыми системами. Объектом исследования стали две русскоязычные системы – Алиса компании Яндекс и голосовой ассистент приложения Сбербанк и англоязычные голосовые системы – Siri компании Apple и Google Assistant, в том числе их русскоязычные версии. Выбор обусловлен их популярностью у носителей русского языка, которая определялась по запросам данных

голосовых помощников в сети Интернет. Период выборки составил с 1 января 2021 года по 20 декабря 2022 года. Русскоязычные и англоязычные голосовые системы были выбраны методом сплошной выборки. В статье делаются выводы в том числе и о коммуникативных возможностях русскоязычных голосовых систем и зарубежных аналогов с встроенной функцией перевода на русский язык. Научной новизной является анализ «спонтанной» диалогической речи и анализ её соответствия нормам современного русского языка. В конце статьи подводятся итоги анализа зарубежных небольшим количеством вариантов фраз и выражений для генерации ответа пользователю на основании материалов из корпуса русского языка. Также, не редко выявляются черты машинного перевода в зарубежных голосовых аналогах в отличие от русскоязычных голосовых помощников.

Ключевые слова:

русскоязычная голосовая система, англоязычная голосовая система, голосовой ассистент, голосовой помощник, коммуникативная функция, машинный перевод, распознавание речи, вариативность, синтаксис, корпус русского языка

Введение

В последние пять лет цифровые или виртуальные технологии продолжают активно развиваться; голосовые помощники используются во многих сферах жизни: автомобильных навигаторах, системах поддержки банковских услуг, встроенных голосовых ассистентах социальных сетей, мессенджерах, онлайн-магазинах, умных часах, умных колонках и в «Умном доме» [\[6\]](#).

Биометрическая аутентификация, такая как сканирование отпечатков пальцев, повторное сканирование, распознавание лиц, голоса используется в интеллектуальных персональных помощниках. Системы в Интернете уже давно используют голос динамиков в качестве средства взаимодействия пользователя с машиной. Голосовые помощники, такие как *Google Assistant*, *Amazon Alexa*, *Siri* и другие, широко используются в домах для управления бытовой техникой с помощью интеллектуальных динамиков [\[5\]](#).

Отметим, что наименования голосовых систем в настоящее время не кодифицированы в словарях в статусе термина, однако активно употребляются в обозначениях голосовых систем, поэтому их можно рассматривать как терминоиды, за которыми в ближайшее время будет закреплён статус термина.

Виртуальный ассистент – это искусственный интеллект, который способен распознавать голос пользователя и выполнять голосовые команды. В современном мире насчитывается около 100 видов голосовых помощников, цели и задачи которых сильно различаются [\[7\]](#). У многих голосовых систем есть функция имитации живого общения с человеком, которая стала объектом исследования в языкознании, коммуникации и компьютерной лингвистике [\[8\]](#).

Статистический анализ голосовых помощников, взятый из статьи А.С. Яковлева «Лучшие голосовые помощники», выявил следующее: в 2022 году самым функциональным ассистентом в Европе стал голосовой помощник *AmazonAlexa*; самым отзывчивым помощником считают *GoogleAssistant*; самым распространённым голосовым помощником является *Siri* корпорации 'Apple'. Русскоязычная голосовая система *Алиса* компании

«Яндекс» названа самым «разговорчивым» помощником [\[10\]](#).

Критерием выбора для исследования русскоязычных и англоязычных голосовых систем послужили данные, собранные компанией «Медиалогия», которая проводит мониторинг Интернет-пространства и учитывает количество запросов о голосовых помощниках в русскоязычном сегменте, а также отзывы о них на всех основных платформах соцмедиа.

Обзор коммуникативных функций российских голосовых систем

Исследование показало, что русскоязычные пользователи активно искали информацию о двух голосовых системах: *Алиса* компании Яндекс и голосовой ассистент *Сбер*. Представим обзор данных голосовых систем, выбор которых обусловлен популярностью у носителей русского языка.

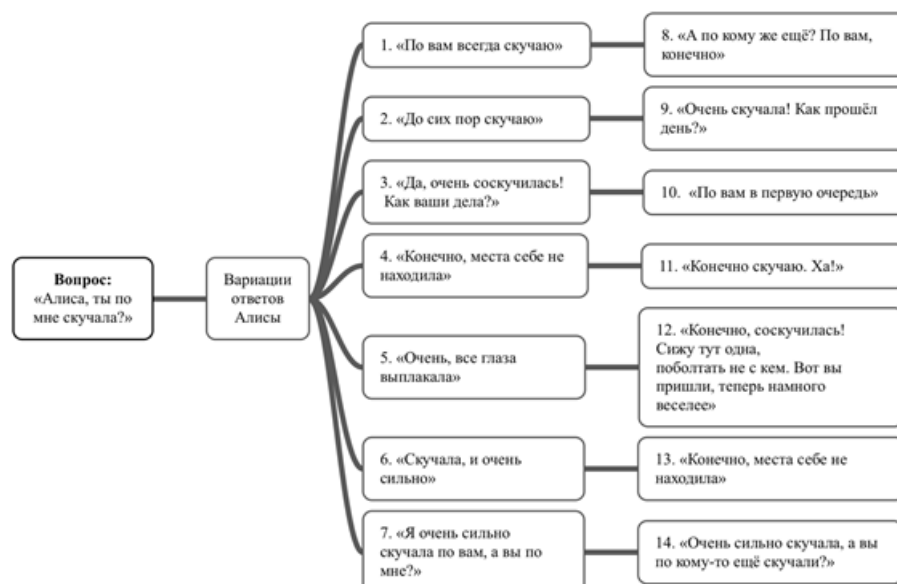
1. Характеристики языка голосовой системы *Алиса*

Наибольшее количество запросов (420,1 тысяч упоминаний пользователями в Интернет-пространстве по данным «Медиалогии») было сделано по голосовому помощнику *Алиса*, созданную в 2016 году. Изначально голосовой помощник мог только находить информацию в Интернет-пространстве, а в 2021 году разработчики добавили в функционал *Алисы* распознавание человеческой речи, анализ голосового вербального материала, умение определять тему диалога и синтезировать ответ пользователю на материале корпуса электронных текстов. В настоящее время устные разговоры с *Алисой* близки к естественной диалогической речи. Банк реплик голосового помощника основан на корпусе русскоязычных текстов и в основном соответствует нормам современного русского языка [\[9\]](#). У голосового помощника *Алиса* большой потенциал вариантов ответа, которые невозможно предугадать. Для иллюстрации живого разговорного общения с голосовым помощником *Алиса* был проведён небольшой эксперимент.

Эксперимент № 1

Голосовой системе *Алиса* было задано 70 разных вопросов. Представим данные, полученные на один из них: «Алиса, ты по мне скучала?». Ответные реплики собирались до того момента, пока не начинался повтор ответа на вопрос. Общее количество полученных данных составляет 14 ответных реплик, представленных в Таблице 1.

Таблица 1. Варианты ответных реплик голосовой системы *Алиса* на вопрос: «Ты по мне скучала?»

Ответные реплики голосового помощника *Алиса* отвечают нормам современного русского языка. Активно используются разговорные варианты лексики, такие как междометие *ха*, глагол *поболтать*, наречие *теперь*. В активной лексике оказываются слова, используемые в повседневном общении, значение которых понятно всем носителям русского языка [3, с. 51]. Синтаксическому строю в репликах *Алисы* характерны инверсионные формы высказывания «скучала, и очень сильно», «по вам всегда скучаю», что соответствует конструкциям, которые часто употребляются в разговорной речи. А.А. Евтюгина подчёркивает, что разговорному стилю присуща грамматическая простота текста, доступность, которые выражаются в использовании несложных грамматических структур, большого количества глаголов, коротких предложений [2, с. 14]. В ответных репликах *Алисы* часто употребляются ироничные конструкции и лексика: «...а вы по кому-то ещё скучали?», «...все глаза выплакала», «...места себе не находила», «до сих пор скучаю». А.А. Евтюгина также подчёркивает, что грамматическим особенностям разговорного стиля характерны незаконченные и не всегда упорядоченные конструкции предложений [2, с. 15].

Стоит отметить, что *Алиса* отвечает на вопросы прямо, не отклоняясь от темы. В некоторых вариантах можно увидеть попытку продлить диалог с человеком: «...а вы по мне?», «Как прошёл день?», «Как ваши дела?», «А вы по кому-то ещё скучали?». Другими словами, происходит имитация обиходно-разговорного диалога и реализуется коммуникативная цель – непосредственное общение между людьми (в нашем исследовании – между человеком и голосовым помощником) [2, с. 13].

Эксперимент №1 показал, что реплики голосовой системы соответствуют нормам современной разговорной речи носителей русского языка. Таким образом, можно сделать вывод, что голосовой помощник *Алиса* обладает высокой способностью вести «спонтанные» диалоги с человеком в соответствии с нормами разговорной речи: неподготовленность, непринуждённость и естественность. Естественность достигается с помощью соотношения естественного и семантического языка. Семантический язык представляет собой определённый набор элементарных семантических единиц, с помощью которых передаётся содержание естественного языка, а наибольшее число элементарных единиц даёт очень большое число возможных комбинаций [4, с. 151].

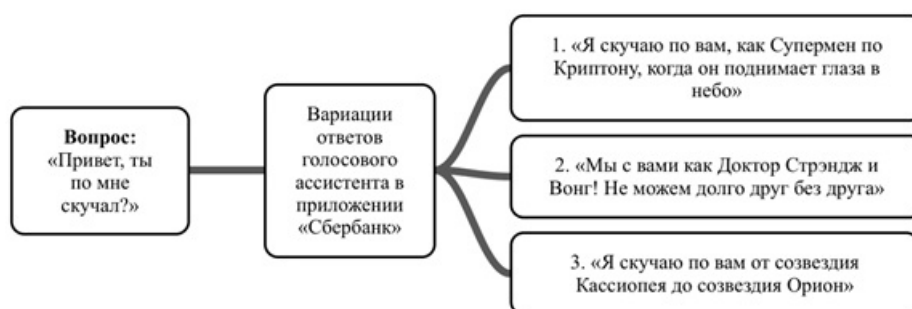
2. Характеристики языка голосового ассистента *Сбер*

На втором месте по количеству запросов (157,4 тысяч упоминаний пользователями в Интернет-пространстве по данным «Медиалогии») оказалась «семья» виртуальных русскоязычных ассистентов Сбербанка: *Афина*, *Джой* и *Сбер*. Для данных голосовых помощников характерен ограниченный функционал, и коммуникативная функция ведения «спонтанного» диалога не реализуется в полной мере. *Афина*, *Джой* и *Сбер* помогают пользователям совершать переводы денег и платежей, сообщают о состоянии счёта и т.д.

Эксперимент №2

Голосовой системе *Сбер* были заданы те же вопросы, которые задавались голосовому помощнику *Алиса*. Представим данные, полученные на один из них: «Привет, ты по мне скучал?». Ответные реплики собирались до того момента, пока не начинался повтор ответа на вопрос. Общее количество полученных данных составляет 3 ответные реплики, представленные в Таблице 2.

Таблица 2. Варианты ответных реплик голосового ассистента *Сбер* на вопрос: «Привет, ты по мне скучал?»

Ответные реплики голосового ассистента *Сбер* не отличаются высокой вариативностью, как у голосового помощника *Алиса*, но являются более остроумными и сложными в построении высказываний и их компонентов. Если голосовая система *Алиса* использует простые предложения в ответных репликах, то у *Сбера* мы видим конструкции со сложным подчинением: «Я скучаю по вам, как Супермен по Криптому, когда он поднимает глаза в небо». Сложноподчинённые предложения – это манера изложения в деловом, научном и публицистическом стилях. Хотя деловая речь тяготеет к обобщённым названиям и понятиям, научная – к строгости и объективности высказываний, то можно сделать вывод, что голосовой ассистент *Сбер* выполняет несколько функций одновременно: эстетическую, деловую и коммуникативную [2, с. 8]. Во многих ответах *Сбера* содержатся пассивная лексика, то есть имена супергероев из американских сериалов, комиксов и серий книг, известные, в основном молодёжи: Супермен, Доктор Стрэндж и Вонг.

На основании проведённого Эксперимента №2 можно сделать следующие выводы: ассистент не обладает функцией «спонтанного» диалога, так как в банке реплик присутствуют предложения со сложноподчинёнными конструкциями, которые не являются типичными для разговорной речи. *Сбер* использует смешение стилей: официально-деловой и разговорный.

Функциональная ограниченность голосового ассистента *Сбер* обусловлена целевой

аудиторией, то есть пользователями, которые используют помощника для осуществления операций с деньгами в банке, где коммуникативная функция не является ведущей.

Обзор коммуникативных функций зарубежных голосовых систем

Исследование показало, что носители русского языка сделали наибольшее количество запросов по следующим зарубежным голосовым системам в сети Интернет: *GoogleAssistant* и *Siri* корпорации 'Apple'. Были получены следующие данные:

1. Характеристика языка голосового помощника *GoogleAssistant*

На первом месте по популярности среди русскоязычных носителей (108,6 тысяч упоминаний в Интернет-пространстве по данным «Медиалогии») оказался *GoogleAssistant*. Данный голосовой помощник был разработан на основе собственной технологии искусственного интеллекта корпорации 'Google', установлен на более, чем 1 миллиарде устройств в мире, доступен в использовании в 90 странах и «говорит» на 30 языках [\[9\]](#). Представим данные проведённого эксперимента возможности *GoogleAssistant* ведения диалога на русском языке.

Эксперимент №3

Голосовому помощнику *GoogleAssistant* было задано 70 вопросов, приведем в пример ответные реплики на один из них: «Привет, ты по мне скучал?». Ответные реплики собирались до того момента, пока не начинался повтор ответа на вопрос. Общее количество полученных данных составляет 3 ответные реплики, представленные в Таблице 3.

Таблица 3. Варианты ответных реплик голосового помощника Google Assistant на вопрос: «Привет, ты по мне скучал?»

Анализ ответных реплик *GoogleAssistant* показывает меньшее количество вариантов ответных реплик. На вопрос «Ты по мне скучал?» голосовой помощник 6 раз подряд отвечает «очень», только после этого появляются не однословные ответные реплики. В структуре реплик *GoogleAssistant* используется односоставное определенно-личное предложение: «Так давайте общаться чаще». В таких предложениях выражается действие, соотнесённое с определённым деятелем, который словесно не обозначен. Мы знаем, что английскому языку – языку разработчиков *GoogleAssistant* – свойственна грамматическая временная парадигма, поэтому и в русскоязычном варианте реплик голосового помощника она выражается с помощью конструкций определённо-личных предложений. Синтаксическое значение времени в подобных синтаксических конструкциях либо получает конкретное выражение настоящего и будущего в формах изъявительного наклонения, либо проявляется как обобщённость – в форме повелительного наклонения. Специфика определённо-личных предложений определяется в неполноте временной парадигмы и конкретное предложение не может быть переведено, например, в прошедшее время без изменения структуры [\[3, с. 385-386\]](#).

На основании этого можно сделать вывод, что голосовой помощник *GoogleAssistant* использует определённо-личное предложение не для реализации коммуникативной функции разговорного стиля речи, а для подстраивания временных рамок английского языка в соответствии с похожими моделями синтаксиса в русском языке.

Проведенный Эксперимент №3 показал, что для русскоязычного функционала ответных реплик *GoogleAssistant* не характерна функция ведения «спонтанного» диалога. Построение фраз на русском языке, скорее всего, основано на алгоритмах машинного перевода с английского языка.

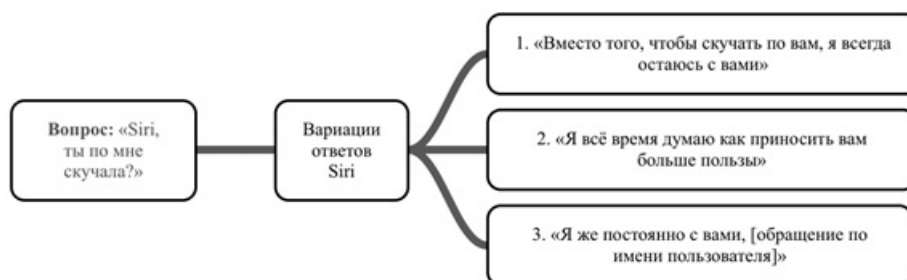
2. Характеристики языка голосового помощника *Siri*

Второе место по популярности среди российских пользователей (106,8 тысяч упоминаний в Интернет-пространстве по данным «Медиалогии»). занимает *Siri* компании 'Apple', её считают совершенным коммуникативным голосовым помощником XXI века. *Siri* первой получила функцию говорения (на английском языке). В настоящее время *Siri* поддерживает диалог с человеком, используя разные технологии голосового синтеза. *Siri* умеет запоминать привычки своего пользователя и обладает совершенной коммуникативной функцией на английском языке: она способна быть инициатором диалога [9]. Представим данный эксперимент с возможностями *Siri* ведения диалога на русском языке.

Эксперимент №4

Голосовой системе *Siri* было задано около 70 вопросов, в пример приведём ответные реплики на один из них: «*Siri*, ты по мне скучала?». Ответные реплики собирались до того момента, пока не начинался повтор ответа на вопрос. Общее количество полученных данных составляет 3 ответные реплики, представленные в Таблице 4.

Таблица 4. Варианты ответных реплик голосовой системы *Siri* на вопрос: «Ты по мне скучала?»

Коммуникативные возможности голосового помощника *Siri* часто не соответствуют нормам современного русского языка. На вопрос «Ты по мне скучала?» она даёт уклончивый ответ: «Я же постоянно с вами...». Можно предположить, что на построение предложений у *Siri* влияет функция машинного перевода, для которого характерны конструкции с подчинительной связью и порядком слов, не отвечающим нормам современного русского языка и разговорному стилю: «Вместо того, чтобы скучать по вам, я всегда остаюсь с вами». Для грамматических особенностей разговорного стиля в русском языке характерны структуры простых предложений с прямым порядком слов, среди которых преобладают разные виды неполных предложений. Неполнота предложений обычно восполняется ситуацией и делает их естественными и понятными [12].

[с. 16\]](#). Хотя реплики *Siri* и сохраняют разговорно-обиходный стиль – неформальное общение, можно сказать, что они осложнены: «Вместо того, чтобы скучать по вам, я всегда остаюсь с вами». Также, мы видим, что в отличие от русскоязычного голосового помощника *Алиса*, *Siri* не задаёт дополнительных вопросов пользователю с целью продолжения коммуникации, а выступает посредственным коммуникантом.

Таким образом, функция «спонтанного» диалога у голосовой системы *Siri* и диалогические реплики представляют собой тексты, вероятно, полученные с помощью машинного перевода.

Заключение

В своей работе «Моделирование системы языка в аспекте языковой личности» В.Н. Денисенко говорит следующее: «Исследователь языка как системы неизменно встречается со многими противоречиями этой системы и рано или поздно задумывается над тем, что стоит за её границами и не кроются ли многие особенности в том, что к этой системе и не относится, но без чего тем не менее она не может существовать». Там же, В.Н. Денисенко подчёркивает, что моделирование некоторых систем имеет свои особенности и из-за этого подобные модели не всегда поддаются экспериментальной проверке [\[1, с. 139\]](#).

Исследовав коммуникативный потенциал русскоязычных и англоязычных голосовых систем; подробно проанализировав возможности ведения «спонтанного» диалога у русскоязычного голосового помощника *Алиса*, голосового ассистента *Сбер* и зарубежных аналогов *GoogleAssistant* и *Sirico* встроенными опциями коммуникации на русском языке, мы можем сделать вывод, что язык голосовой системы *Алиса* оказался намного ближе по интересам русскоязычной аудитории, так как языковой потенциал данного голосового помощника не только соответствует нормам современного русского языка, но и показывает интересный результат при анализе языкового вербального материала от пользователя. Также, голосовой помощник способен продолжать разговор на обиходно-бытовые темы, задавать дополнительные вопросы и использовать активную и пассивную лексику. Количество вариантов ответных реплик у *Алисы* значительно преобладает над возможностями других голосовых систем, исследованных в данной статье.

Анализ языка, используемого голосовым ассистентом *Сбер*, выявил, что в его ответных репликах содержится смешение стилей: официально-делового и разговорного. Это обусловлено тем, что данный голосовой ассистент предназначен не для массового использования, а для ограниченной аудитории. Однако синтаксический анализ реплик показывает, что помощник *Сбер* использует сложные конструкции предложений с подчинительной связью, что соответствует нормам современного русского языка. Более того, в лексике у ассистента содержатся наименования, популяризированные для нашего лингвистического времени – имена героев известных супергероев и отсылка к сюжетам, связанным с их приключениями.

Зарубежные голосовые помощники *GoogleAssistant* и *Siri* со встроенными функциями перевода на русский язык часто используют сложные конструкции предложений, инверсивный порядок слов, смешение функциональных стилей речи. Это позволяет нам предполагать, что подобное построение фраз, предложений, а также лексический строй подбирается не человеком, а основан на машинном переводе, без использования корпуса русскоязычных текстов. На основании этого можно утверждать, что большинство реплик не соответствует нормам современного русского языка, поэтому голосовые

системы не пользуются большой популярностью у русскоязычных пользователей. Также, при анализе коммуникативного потенциала *GoogleAssistant* видно, что изначально данный голосовой ассистент создавался не для коммуникации, а для быстрого сбора информации в поисковой системе Google.

Подводя итоги, стоит отметить, что русскоязычные голосовые системы отличаются интересными генерациями текстов и во многом соответствуют нормам современного русского языка. Популярность русскоязычных голосовых систем стремительно возрастает за счёт развивающихся коммуникативных возможностей и обновлениям корпусов текста разработчиками и пользователями. В будущем русскоязычные голосовые системы, направленные на массовое использование, могут развить функцию «спонтанного» диалога с человеком до высокого уровня, с практически незаметными отклонениями от норм естественной человеческой речи.

Библиография

1. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 440 с.
2. Евтюгина А.А.. Функциональная стилистика / учебн. Пособие / Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. – 75 с.
3. Лекант П.А. Современный русский язык : учебник для бакалавров / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков / под ред. П. А. Леканта. — 5-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 559 с.
4. Красина Е.А., Перфильева Н.В. Основы филологии: лингвистические парадигмы: учеб. пособие / – 3-е изд., стер.– М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 408 с.
5. Acharya R., Kotta H., Patil A.T., Patil H.A. (2021) Energy Separation Based Features for Replay Spoof Detection for Voice Assistant / Virtual, Toronto / URL: <https://eurasip.org/Proceedings/Eusipco/Eusipco2020/pdfs/0000386.pdf> (accessed 14.04.2023)
6. Hoy M.B. (2018) Alexa, SIRI, cortana, and more: An introduction to voice assistants / Medical Reference Services Quarterly, vol. 37, no. 1, pp. 81– 88.
7. Kim S., Choudhuy A. (2021). Exploring older adults' perception and use of smart speaker-based voice assistants: A longitudinal study. Computers in Human Behavior. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106914> (accessed 11.01.2023)
8. Nicola Combe, David Harrison, Hua Dong, Salmaan Craig & Zachary Gill (2011) Assessing the number of users who are excluded by domestic heating controls, International Journal of Sustainable Engineering, 4:1, pp. 84-92.
9. [электронный ресурс] Медиалогия – автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени / URL: <https://www.mlg.ru/~UG0qb> (дата обращения: 04.10.2023)
10. [электронный ресурс] Яковлев А.С., Лучшие голосовые помощники / 2022 / URL: <https://smarthomegadgert.ru/luchshie-golosovye-pomoshhniki/?ysclid=laamncty9l444180884> (дата обращения: 02.10.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сложно не согласиться, что «в последние пять лет цифровые или виртуальные технологии продолжают активно развиваться; голосовые помощники используются во многих сферах жизни: автомобильных навигаторах, системах поддержки банковских услуг, встроенных голосовых ассистентах социальных сетей, мессенджерах, онлайн-магазинах, умных часах, умных колонках и в «Умном доме». Мир цифры все активнее проникает в самые разнообразные сферы деятельности человека, цифровые технологии отчасти помогают, отчасти затрудняют жизнь. И все же серьезно, по-научному с этим вопросом нужно разбираться. Автор статьи обращает внимание на коммуникативный потенциал русскоязычных и англоязычных голосовых систем. Выбранный вектор анализа, на мой взгляд, является оправданным, ибо работ в данном русле не так много. Материалом анализа являются голосовые системы российского и зарубежного происхождения. Исследователь ориентирован на наиболее используемые формы, чтобы фактически объективировать статус этих систем, выявить наиболее характерные приметы, показать разницу отечественного и зарубежного производства. Работа имеет ярко выраженный аналитический характер, ибо она построена на базе эксперимента, что стоит признать положительным моментом данного труда. Текст выверен, фактическая концепция объективна, представленный анализ статистически точен. Отмечено, что «критерием выбора для исследования русскоязычных и англоязычных голосовых систем послужили данные, собранные компанией «Медialogия», которая проводит мониторинг Интернет-пространства и учитывает количество запросов о голосовых помощниках в русскоязычном сегменте, а также отзывы о них на всех основных платформах соцмедиа». Дробность текста на параграфы оправдана, данный принцип позволяет сопоставить голосовые системы наиболее фактурно. Основные результаты исследования сводятся в таблично-схематичный вид, визуал удобен для восприятия. Актуальность данной статьи вполне оправдана, научная новизна не вызывает сомнений. Методы изучения находятся в пределах сравнительно сопоставительного типа, аналитического и системного. Стиль соотносится с собственно научным форматом: например, «ответные реплики голосового ассистента Сбер не отличаются высокой вариативностью, как у голосового помощника Алиса, но являются более остроумными и сложными в построении высказываний и их компонентов. Если голосовая система Алиса использует простые предложения в ответных репликах, то у Сбера мы видим конструкции со сложным подчинением: «Я скучаю по вам, как Супермен по Криптону, когда он поднимает глаза в небо». Сложноподчинённые предложения – это манера изложения в деловом, научном и публицистическом стилях. Хотя деловая речь тяготеет к обобщённым названиям и понятиям, научная – к строгости и объективности высказываний, то можно сделать вывод, что голосовой ассистент Сбер выполняет несколько функций одновременно: эстетическую, деловую и коммуникативную...», или «Анализ ответных реплик Google Assistant показывает меньшее количество вариантов ответных реплик. На вопрос «Ты по мне скучал?» голосовой помощник 6 раз подряд отвечает «очень», только после этого появляется не однословные ответные реплики. В структуре реплик Google Assistant используется односоставное определённо-личное предложение: «Так давайте общаться чаще». В таких предложениях выражается действие, соотнесённое с определённым деятелем, который словесно не обозначен. Мы знаем, что английскому языку – языку разработчиков Google Assistant – свойственна грамматическая временная парадигма, поэтому и в русскоязычном варианте реплик голосового помощника она выражается с помощью конструкций определённо-личных предложений. Синтаксическое значение времени в подобных синтаксических конструкциях либо получает конкретное выражение настоящего и будущего в формах изъявительного наклонения, либо проявляется как обобщённость – в форме повелительного наклонения» и т.д. Цель работы достигнута, в финальной части автор

обозначает, что «зарубежные голосовые помощники Google Assistant и Siri со встроенными функциями перевода на русский язык часто используют сложные конструкции предложений, инверсивный порядок слов, смешение функциональных стилей речи. Это позволяет нам предполагать, что подобное построение фраз, предложений, а также лексический строй подбирается не человеком, а основан на машинном переводе, без использования корпуса русскоязычных текстов. На основании этого можно утверждать, что большинство реплик не соответствует нормам современного русского языка, поэтому голосовые системы не пользуются большой популярностью у русскоязычных пользователей», а «русскоязычные голосовые системы отличаются интересными генерациями текстов и во многом соответствуют нормам современного русского языка. Популярность русскоязычных голосовых систем стремительно возрастает за счёт развивающихся коммуникативных возможностей и обновлениям корпусов текста разработчиками и пользователями. В будущем русскоязычные голосовые системы, направленные на массовое использование, могут развить функцию «спонтанного» диалога с человеком до высокого уровня, с практически незаметными отклонениями от норм естественной человеческой речи». Материал будет полезен при изучении дисциплин как гуманитарного, так и технического толка. Текст не нуждается в дополнении, серьезной правке; цель исследования реализована, аргументации доводов достаточно. Стандарт оформления выдержан в пределах издательских норм. Рекомендую рецензируемую статью «Коммуникативный потенциал русскоязычных и англоязычных голосовых систем» к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

The influence of N. V. Gogol's satire on Sha Yesin's comedy "If I were Real"

Wang Zhuangchu

PhD in Philology

Graduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Buryat State University

670011, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Energetik Microdistrict, 60A, sq. 28

✉ msdevine@126.com

Abstract. The subject of the research in the article is the peculiarities of the influence of N. V. Gogol's satirical comedy "The Inspector" on the work of the Chinese playwright of the XX century Sha Yesin "If I were real". The methods of comparative and structural-semiotic analysis using elements of cultural analysis are used in the work, the method of interpretation of a separate text, the analysis of individual stylistic elements is also used.

In this paper, we will be interested in productive reception, which, unlike reproductive reception, is associated with the entry of N. V. Gogol's satirical works as foreign texts into the work of Chinese writers. The novelty of the research lies in the fact that the name of the famous Chinese playwright and screenwriter Sha Yesin and his comedy "If I were Real" are introduced into scientific circulation for the first time in the aspect of the reception of N. V. Gogol's satirical traditions. The peculiarities of the influence of N. V. Gogol's satirical traditions on Sha Yesin's comedy "If I were Real" are due to the internal political situation in China in the 1970s of the XX century and the influence of national traditions of Chinese literature. In this regard, Sha Yesin followed the traditions of Gogol's satire to the extent that it was necessary to express the main idea of the comedy of the Chinese playwright, in connection with the trends of the time that coincided with the ideological content of the "Auditor" – exposing the vices of officials. To solve the set artistic task, Sha Yesin consciously followed the plot of Gogol's comedy, which explains the borrowing of plot techniques from the "Inspector" ("the deceiver involuntarily", "double exposure", "incriminating letter"). Comparison of N. V. Gogol's comedy "The Inspector" and Sha Yesin's play suggests that the reception of Gogol's satire allowed Sha Yesin to create an original comedy that enriched Chinese literature.

Keywords: Dramaturgy of Sha Yexin, Satirical comedy, literary traditions, reception of creations, Russian literature, comedy "The inspector", satire of Gogol, Chinese literature, creation of N. V. Gogol, satirical reception

References (transliterated)

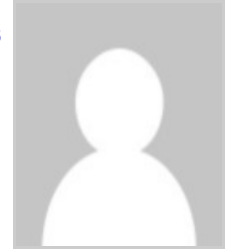
1. Bai Khuei, Vozvrashchayas' k proshlomu i obsuzhdaya «pravil'noe i nepravil'noe» - kommentarii k p'ese Sha Esinya «Esli by ya byl nastoyashchim» = 白慧,重提往事论是非 – 评沙叶新《关于〈假如我是真的〉》 – 文//上海戏剧 / Bai Khuei //Shankhaiskie dramy. – 1981. – № 1. – S. 2-5.
2. Borev Yu. B. Teoriya khudozhestvennogo vospriyatiya i retseptivnoi estetiki, metodologiya kritiki i germenevtika. Vmesto vvedeniya / Yu. B. Borev // Teorii, shkoly AN SSSR, In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo; Otv. red. Yu. B. Borev. – M. : , kontseptsii: (Kriticheskie analizy). Khudozh. retseptsiya i germenevtika». Izd-vo Nauka, 1985. – 288 s.
3. Van Yuan'tsze. Gogol' [M] = 果戈理 / Van Yuan'tsze. – Dalyan' : Lyaoninskoe narodnoe

- izdatel'stvo, 1982. – 149 s.
4. Vun' Yakhun. «Zakhvatyvayushchaya drama» togo vremeni - sozdanie i izuchenie «Esli by ya byl nastoyashchim» = 温雅红,时代的“惊险剧”—《假如我是真的》的创作与争鸣 / Vun' Yakhun //Literaturnaya polemika. – 2020. – № 4. – S. 16-22.
 5. Gao Zhen', Issledovanie vospriyatiya dram Sha Esinya v novyi period =新时期沙叶新话剧的接受研究 : masterskaya dissertatsiya / Gao Zhen'; Kolleksiya universiteta Yanchzhou, 2014. – 58 s.
 6. Gogol' N. V. Revizor // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 t.] / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). – [M.; L.]: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 4. Revizor. – 1951. – S. 5-95.
 7. Gorkovenko A. E. Russkaya literatura v kul'turnom prostranstve Kitaya: istoriya i sovremennost' / A. E. Gorkovenko, S. V. Petukhov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. – 2011. – Vyp. 10. – S. 184-188.
 8. Levakin N. N. Khudozhestvennaya retseptsiya kak literaturovedcheskoe ponyatie (k voprosu ponimaniya termina) / N. N. Levakin // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. – 2012. – № 27. – S. 308-310
 9. Long Fei. Master satiricheskogo iskusstva Gogol' = 讽刺艺术大师果戈理/龙飞 /Long Fei. - Pekin : Kommercheskaya pressa, 1984. – 65 s.
 10. Lu Baotai, O nizkom urovne estetiki p'es Sha Esina - Razmyshleniya o kontseptsii sozdaniya dramy =论沙叶新剧作审美的低层次性——关于话剧创作观念的思考 / Lu Baotai // Zhurnal Shankhaiskogo pedagogicheskogo universiteta – 1989. – № 7. – S. 47-52.
 11. Lyan Tsinyao. O «karnaval'nom» dukhe dramy Sha Esinya =论沙叶辛新剧的狂欢精神 / Lyan Tsinyao //Dramaticheskaya literatura. – 2012. – № 8. – S. 102-105.
 12. Mann Yu. V. Poetika Gogolya / Yu. Mann. – 2-e izd., dop. – Moskva : Khudozh. lit., 1988. – 412 s.
 13. Mashakova A. K. Teoreticheskie osnovy literaturnoi retseptsii / A. K. Mashakova. – URL : http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69591.doc.htm (data obrashcheniya: 15.01.2023).
 14. Mityureva D. S. Teoriya retseptsii i ee primenenie v oblasti intellektual'noi istorii / D. S. Mityureva // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. – 2016. – № 13/14. – S. 27.
 15. Serebryakov E. A. Gogol' v Kitae / E. A. Serebryakov // Gogol' i mirovaya literatura : sbornik statei / AN SSSR, In-t mirovoi lit.im. A. M. Gor'kogo ; otv. red. Yu. V. Mann. – Moskva : Nauka, 1988. – S. 225-274.
 16. Sha Esin'. Esli by ya byl nastoyashchim =沙叶新.假如我是真的 / Sha Esin'. – Pekin: Pekinskoe izdatel'stvo federatsii literatury i iskusstva. 1981. – 110 s.
 17. Sha Esin'. Sravnivaya «Revizora» N. V. Gogolya i «Esli by ya byl nastoyashchim» Sha Esinya //Literaturnye novosti. – 1981. – № 1. – S. 17-20.

Fiction Space and Time in Victor Kolupaev's Fantastic Story "Dzyapiki" (1989)

Morozova Inna Viktorovna

Postgraduate student of the Department of Roman-Germanic and Classical Philology, Tomsk State University

Abstract. The article is devoted to the study of the work of the Tomsk science fiction writer, member of the Union of Writers of the USSR Viktor Dmitrievich Kolupaev (1936-2001). The purpose of the study is to identify the features of the representation of the category of fiction space and time in the poetics of the fiction writer's short prose based on the novella "Dzyapiki" (1989). The theoretical basis of the research was made up of works devoted to the consideration of the spatio-temporal organization of the literary text in science fiction works. The practical significance of the article is that its materials and general conclusions can be used in the study of the history of Russian literature and Soviet fiction, regional literature in the framework of special courses. The scientific novelty of the work lies in the study of the spatio-temporal organization of Kolupaev's short prose, as well as in the involvement of a previously unexplored novella as a research material, which is important for understanding the originality of the author's fiction world. The three-part chronotope system is defined and analyzed, the originality of the time travel plot used for traditional science fiction in order to reveal social issues is revealed. Three chronotopes (the epoch of the Dziapiks, real time and their mixing), the characteristic features of which are represented in the landscapes and characters allow us to depict the shortcomings of the system that negatively affects a person.

Keywords: chronotope, fiction time, fiction space, Dzyapiki, Victor Kolupaev, soft science fiction, Soviet science fiction, Russian literature, time travel, Siberia

References (transliterated)

1. Startsev D. I., Os'mukhina O. Yu. Svoeobrazie postroeniya fantasticheskogo mira v romane «Ostrov pogibshikh korablei» A.R. Belyaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 13. № 5. S. 24–28.
2. Os'mukhina O. Yu., Mairova D. A. Spetsifika konstruirovaniya fantasticheskogo mira v romane I.A. Efremova «Tumannost' Andromedy» // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. 2021. T. 1. № 1 (34). S. 29–40.
3. Dormidontova A. Yu., Mineralova I. G. Chudesnyi mir v skazochnoi povesi Kira Bulycheva «Zapovednik skazok» // Kniga v kul'ture detstva: monografiya. Yaroslavl': OOO Aгенство «Litera», 2020. S. 134–139.
4. Kolupaev V. D. Prostranstvo i vremya dlya fantasta. Tomsk, 1994. 54 s.
5. Nikienko I. V. «Pushkinskii tekst» v «Sokrate Sibirskikh Afin» V. D. Kolupaeva // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2012. № 4. S. 104–113.
6. Nikienko I. V. Voda kak ontologicheskaya i gnoseologicheskaya sreda: osobennosti khudozhestvennoi adaptatsii filosofskogo kontsepta «pervonachalo» v «Sokrate Sibirskikh Afin» V. D. Kolupaeva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2013. № 1 (21). S. 57–67.
7. Nikienko I. V. Diskursivnoe sintezirovanie kontsepta «Apeiron» v «Sokrate Sibirskikh Afin» V. D. Kolupaeva: «afinskii» sloi // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2014a. Vyp. 4. S. 229–238.
8. Nikienko I. V. Personalizatsiya institutsional'nogo kak diskursivnaya strategiya

- fantasta (na materiale pozdnei prozy V. D. Kolupaeva) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014b. Vyp. 10 (151). S. 157–164.
9. Rybal'chenko T. L. Proza iz Sibirskikh Afin // Viktor Dmitrievich Kolupaev: biobibliograficheskii ukazatel' / sost. i avt. predisl. A. V. Yakovenko; red. S. S. Bykova. Tomsk, 2005. S. 41–43.
 10. Morozova I. V. Kategoriya vremeni kak osnova arkhitektoniki programmnogo tsikla V. D. Kolupaeva «Zhizn' kak god» (1982) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. Vyp. 5. S. 1354–1358. DOI: 10.30853/phil20220231
 11. Morozova I. V. Spetsifika khudozhestvennogo prostranstva v tsikle V. D. Kolupaeva «Kapitan Gromoverzhtsa» (1982) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. Vyp. 11. S. 3412–3417. DOI: 10.30853/phil20220631
 12. Morozova I. V. Khudozhestvennoe prostranstvo i vremya v povesti V. D. Kolupaeva «Kacheli Otshel'nika» // Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sb. mat. VIII (XXII) mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh (g. Tomsk, 15-17 aprelya 2021 g.). Vyp. 22. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2021. S. 479–484.
 13. Morozova I. V. Gorodskie toposy kak perevodcheskaya problema: obrazy Tomska v rasskaze V. Kolupaeva «Gazetnyi kiosk» i ego perevodakh // Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sb. mat. VI (XX) mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh (g. Tomsk, 18-19 aprelya 2019 g.). Tomsk: STT, 2020. S. 304–305.
 14. Kikenova B. N. Fantastika i real'nost' v proze: funktsii khronotopa v povesti brat'ev Strugatskikh «Ulitka na sklone» // Slovo-obraz-rech': grani filologicheskogo analiza khudozhestvennogo proizvedeniya / nauch. red. I. G. Mineralova, K. R. Nurgali. Yaroslavl': Litera, 2017. S. 120–128.
 15. Nadezhkina T. O. Mifopoeticheskaya organizatsiya trilogii A. i B. Strugatskikh «Obitaemyi ostrov», «Zhuk v muraveinike», «Volny gasyat veter»: diss. ... k. filol. n. Vladivostok, 2008. 215 s.
 16. Moskovkina E. A. Pogruzhenie protiv vozvysheniya: spetsifika khronotopa rannikh rasskazov I. A. Efremova // Kul'tura i tekst. 2019. № 3 (38). S. 44–59.
 17. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s.
 18. Chigirinskaya O. A. Fantastika kak sposob organizatsii khronotopa // Myatezhnyi dom. Sait Ol'gi Chigirinskoi, 2008. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://heartofsword.eu/statya/fantastika-kak-sposob-organizatsii-hronotopa>.
 19. Viktor Kolupaev: Vsyu zhizn' ya khotel ponyat', chto takoe prostranstvo i vremya. Ne mogu skazat', chto poznal vse do kontsa, no, kazhetsya, na odin shag k resheniyu etoi problemy sumel podoiti: interv'yu // Fantasticheskaya gazeta (Tomsk). 1992. 1 (4). S. 2–3. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.fandom.ru/inter/kolupaev_5.htm
 20. Zapinayas' o mify. Slovo pisatelyu // Lagernyi sad (Tomsk). 1990. 12 fevralya. S. 12. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.fandom.ru/inter/kolupaev_11.htm
 21. Kolupaev V. D. Volevoe usilie: Sbranie sochinenii v 3 tomakh. T. 3. Povesti, rasskazy. M.: Prestizh Buk, 2017. 576 s.
 22. Gorshenin A. V. Obyknovennoe chudo // Sibirskie ogni, 2001. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.sibogni.ru/content/obyknovennoe-chudo>

Performative Discourse in E. Grishkovets Monodramas

Abstract. The purpose of the study is to determine the specifics of the compositional-speech form of E. Grishkovets' monodrama. The subject of the study is the ratio of narrative and anarrative elements in six monodramas by E. Grishkovets - "How I ate a dog", "Simultaneously", "Dreadnoughts", "+1", "Farewell to paper", "Whisper of the heart". To achieve this goal, the following tasks are solved: firstly, to identify and characterize the anarrative elements in the monodramas of E. Grishkovets; secondly, to analyze the communicative situations underlying the action of the studied plays; thirdly, to determine the ratio of narrative and performative elements in the works. The theoretical basis was the work in the field of artistic discourse: the theory of the dialogical nature of art by M. M. Bakhtin, which has already become a classic, and was developed in the research of V. I. Tyupa. The main method of research was the discursive analysis of the literary text, which allows to identify and describe the invariant model of E. Grishkovets' monodrama. The scientific novelty of the research lies in the approach used: the invariant structure of E. Grishkovets' monodramas is revealed by studying the genre through discourse. The analysis of the peculiarities of the discourse of E. Grishkovets' monodramas showed that the event of each of the plays consists in the explication "here and now" before the reader/viewer of complex internal processes occurring in the minds of the characters asking ontological questions related to the self-determination of a person in the world. The human essence in one aspect or another of being becomes a communicative object, while the hero tries to clarify his status for himself and the addressee of his speech. At the same time, in the picture of the hero's world, understanding turns out to be more significant than gaining knowledge. Trying to clarify for himself and the addressee one of the general laws of existence, the hero simultaneously transforms his own consciousness, since he comes to the conclusion that it is impossible to achieve mutual understanding in its entirety.

Keywords: hero, storytelling event, narrative and anarrativity, the communicative situation, performative discourse, anarrativity of the dramatic text, drama, monodrama, Grishkovets, self-identification

References (transliterated)

1. Baibekova A. T. Osobennosti dramaturgii Evgeniya Grishkovtса // *Sovremennaya dramaturgiya – «za» i «protiv» pedagogiki (innovatsionnaya dramaturgiya) : sbornik statei*. Petrozavodsk, 2019. S. 19–23.
2. Gogina L. P. Sovremennoe literaturovedenie i ego zadachi (na primere monotekstov E. Grishkovtса) // *Nauka segodnya: vyzovy i resheniya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ch 2*. 2018. S. 26–29.
3. Grigor'eva A. A., Bychkova O. A. Problema zhanra v tvorchestve Evgeniya Grishkovtса (na primere monodramy «Kak ya s'el sobaku») // *Aktual'nye problemy prepodavaniya natsional'nykh yazykov i literatur : sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 70-letiyu kandidata pedagogicheskikh nauk, dotsenta Z. N. Yakushkinoi*. Cheboksary, 2020. S. 161–165.
4. Konkina A. O. Osobennosti dramaturgii E. Grishkovtса // *Nauchnye trudy Kaluzhskogo*

- gosudarstvennogo universiteta imeni K. E. Tsiolkovskogo : materialy dokladov humanitarnykh seksii regional'noi universitetskoi nauch.-prakt. konf. Ser. «Gumanitarnye nauki». Kaluga, 2018. S. 484–488.
5. Rozikova N. N. O khudozhestvennykh osobennostyakh zhanra monodramy Evgeniya Grishkovtsova // Filologiya, lingvistika i lingvodidaktika: voprosy teorii i praktiki : sbornik po materialam Mezhdunar. nauch. konf. Elets, 2022. S. 131–136.
 6. Ai Ts. O khudozhestvennykh osobennostyakh zhanra monodramy Evgeniya Grishkovtsova // Nauchnyi zhurnal KubGAU. 2015. № 110. S. 188–196.
 7. Goncharova-Grabovskaya S. Ya. Monodrama v tvorchestve E. Grishkovtsova // Vestnik BDU. Ser. 4. 2009. № 3. S. 26–31.
 8. Goncharova-Grabovskaya S. Ya. Monodrama v sovremennoi dramaturgii (russko-beloruskii kontekst) // Mova – literatura – kul'tura : materyyaly ix mizhnar. navukovai kanf. pamyatsi prafesara A. Ya. Mikhnevicha. Minsk, 2020. S. 223–229.
 9. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozh. lit., 1975. 504 s.
 10. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // Bakhtin M. M. Sobr. soch. M.: Russkie slovari, 1997. T. 5. Raboty 1940–1960 gg. S. 159–206.
 11. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Sost. S. G. Bocharov, primech. S. S. Averintsev i S. G. Bocharov. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
 12. Tyupa V. I. Dramaturgiya kak tip vyskazyvaniya // Novyi filologicheskii vestnik, № 3 (14). M.: RGGU, 2010. S. 7–16.
 13. Tyupa V. I. Diskurs/zhanr. M.: Intrada, 2013. 211 s.
 14. Tyupa V. I. Narrativ i anarrativnost' // Universalii russkoi literatury. № 2. Voronezh, 2010. S. 14–23.
 15. Grishkovets E. Zima. Vse p'esy. M.: Eksmo, 2007. 320 s.
 16. Grishkovets E. +1 : monolog // Grishkovets E. Satisfaktsiya. M.: Makhaon, Azbuka-Attikus, 2011. S. 160–210.
 17. Grishkovets E. «Vesy» i drugie p'esy. M.: Eksmo, 2018. 432 s.
 18. Ageeva N. A. Spetsifika diskursa monodramy // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2016. № 1. S. 116–125.

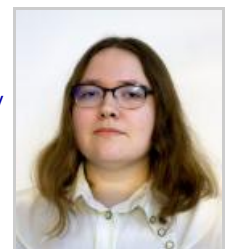
Representation of the cognitive metaphor of time in Postmodern Chinese and Russian literary texts (comparative aspect)

Semenova Liubov

Senior Lecturer of Chinese Language Department, Moscow City University

129 226, Russia, Moscow, 2nd Selskohozyaistvennii proezd, 4k1

✉ semenovala@mgpu.ru

Abstract. The author considers in a comparative aspect, based on the material of postmodern Chinese and Russian literary texts, the representation of the conceptual metaphor of time. The subject of the study is the conceptual metaphor of time, which represents the area of the purpose of the metaphor in the analyzed texts. In addition, a number of areas of the source of metaphor are considered in both Chinese and Russian literary texts of the postmodern era ("Money", "Space", "Object", "River", "Living being", "Container"). The works of Mo Yan and V.

O. Pelevin are used for the analysis. The following methods were used in the course of the study: the method of semantic analysis, the comparative method, the method of conceptual analysis. The scientific novelty of this work lies in the fact that for the first time, the similarities and differences of the representation of the conceptual metaphor of time are clarified in it using the material of postmodern fiction in Chinese and Russian. Comparative analysis showed the presence of similarities in the representation of the metaphor under study in the source areas of "Money", "Space", "Object", "River". A distinctive feature of Chinese texts is the representation of metaphor in the "Container" areas, and Russian texts in the "Living Being" areas. The practical value of this work is seen in the fact that these materials can be used in classes on the interpretation of literary texts of the Chinese language in universities. The works of such a plan create a good prospect for the further development of one of the new areas of linguoculturology, namely comparative linguoculturology.

Keywords: Target of metaphor, Russian language, Chinese language, comparative linguistics, imagery component of concepts, Chinese texts of postmodernism, Russian texts of postmodernism, Conceptual metaphor of time, Conceptual metaphor, source metaphor

References (transliterated)

1. Chupryna, O. G. Predstavleniya o vremeni v drevnem yazyke i soznanii (na materiale drevneangliiskogo yazyka) / M: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo Prometei", 2000.
2. Sedykh A.P. Natsional'naya literatura i kommunikativnaya kul'tura natsii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10) 2012. S. 16-20.
3. Isaeva L.F., Popova L.G. Eksplikatsiya tsentral'nykh priznakov kontsepta "vernost'" v nemetskikh i russkikh khudozhestvennykh tekstakh // Litera. 2022. № 10. S. 87-94.
4. Smirnova A.I. Intertekstual'nost' khudozhestvennogo diskursa kak realizatsiya kul'turno-integratsionnykh protsessov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2018. № 4 (32) 2018. S. 8-15.
5. Karasik V.I. Kontsepty-regulyativy // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya / Otv. red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. M.: MAKSS Press, 2005. Vyp. 30. S.95-108.

The communicative potential of Russian-speaking and English-speaking voice systems

Zhikulina Christina Petrovna

Postgraduate, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Mbscow region, Mbscow, Mklukho-Maklaya str., 6, department, Mklukho-Maklaya, 12

✉ christina.zhikulina@gmail.com

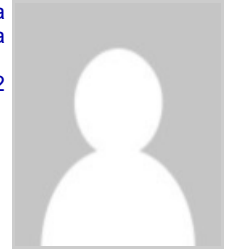
Perfilieva Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Associate professor, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, department, Mklukho-Maklaya, 12

✉ nperfilieva@yandex.ru

Abstract. The article describes the analysis of the "spontaneous" dialogue of two Russian and foreign voice systems. The study is relevant because the possibilities of communication of the introduction spontaneously dialogue between Russian-speaking and foreign voice systems have not been studied by now. The objects of research have become two Russian-speaking systems – Alice by Yandex, voice assistant application by Sberbank; two English voice systems – Siri by Apple Ink and Google Assistant, including their Russian version. The choice is due to their popularity among native speakers of the Russian language, which was determined by the requests of these voice assistants on the Internet. The sampling period was from January 1, 2021 to December 20, 2022. Russian-speaking and English-speaking voice systems were selected by a continuous sampling method. The article draws conclusions, including about the communicative capabilities of Russian-speaking voice systems and foreign analogues with a built-in translation function into Russian. The scientific novelty is the analysis of "spontaneous" dialogic speech and the analysis of its compliance with the norms of the modern Russian language. At the end of the article there are results of the analysis of foreign phrases and expressions with a small number of variants are summarized to generate a response to the user based on materials from the corpus of the Russian language. Also, it is not uncommon to identify features of machine translation in foreign voice analogues, unlike Russian-speaking voice assistants.

Keywords: Russian language corpus, syntax, variability, speech recognition, machine translation, communicative function, voice assistant, voice helper, English-speaking voice system, Russian-speaking voice system

References (transliterated)

1. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskii S.Yu., Rybakov M.A. Sistemnyi vzglyad kak osnova filologicheskoi mysli. – M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2016. – 440 s.
2. Evtyugina A.A.. Funktsional'naya stilistika / uchebn. Posobie / Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2018. – 75 s.
3. Lekant P.A. Sovremennyi russkii yazyk : uchebnik dlya bakalavrov / P. A. Lekant, E. I. Dibrova, L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov / pod red. P. A. Lekanta. — 5-e izd. — M. : Izdatel'stvo Yurait, 2014. — 559 s.
4. Krasina E.A., Perfil'eva N.V. Osnovy filologii: lingvisticheskie paradigmy: ucheb. posobie / – 3-e izd., ster.– M.: FLINTA: Nauka, 2016. – 408 s.
5. Acharya R., Kotta H., Patil A.T., Patil H.A. (2021) Energy Separation Based Features for Replay Spoof Detection for Voice Assistant / Virtual, Toronto / URL: <https://eurasip.org/Proceedings/Eusipco/Eusipco2020/pdfs/0000386.pdf> (accessed 14.04.2023)
6. Hoy M.B. (2018) Alexa, SIRI, cortana, and more: An introduction to voice assistants / Medical Reference Services Quarterly, vol. 37, no. 1, pp. 81– 88.
7. Kim S., Choudhuy A. (2021). Exploring older adults' perception and use of smart speaker-based voice assistants: A longitudinal study. Computers in Human Behavior. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106914> (accessed 11.01.2023)

8. Nicola Combe, David Harrison, Hua Dong, Salmaan Craig & Zachary Gill (2011)
Assessing the number of users who are excluded by domestic heating controls,
International Journal of Sustainable Engineering, 4:1, pp. 84-92.
9. [elektronnyi resurs] Medialogiya – avtomaticheskoi sistemy monitoringa i analiza SMI i
sotsmedia v rezhime real'nogo vremeni / URL: <https://www.mlg.ru/~UG0qb> (data
obrashcheniya: 04.10.2023)
10. [elektronnyi resurs] Yakovlev A.S., Luchshie golosovye pomoshchniki / 2022 / URL:
[https://smarthomegadget.ru/luchshie-golosovye-pomoshhniki/?
ysclid=laamncty9l444180884](https://smarthomegadget.ru/luchshie-golosovye-pomoshhniki/?ysclid=laamncty9l444180884) (data obrashcheniya: 02.10.2023)